

SPERO

**Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры**

№ 5

Осень — Зима 2006

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества Независимо- го института социальной политики
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна, к.соц.н., дирек- тор публикационной программы Независимого института социальной политики

ISSN 1818-6963

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Дж. и К. Макартуров и Фонда Форда

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (495) 786 6718

Факс: (495) 692 9651

E-mail: spero@socpol.ru

Электронная версия: <http://spero.socpol.ru>

Редакционный совет журнала

Павлова-Сильванская Марина Павловна (председатель)	к.и.н., консультант журнала «Pro et Contra» Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, Президент Института Национального проекта «Общественный договор», Президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИНП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Плискевич Наталья Михайловна	к.э.н., редактор отдела редакции журналов «Общественные науки и современность» и «Social Sciences», Президиум РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, председатель Экспертного совета Клуба региональной журналистики

Содержание

Памяти Юрия Александровича Левады5

Методологические проблемы социальной политики

Г. Эспин-Андерсен. Снова на пути к хорошему обществу?7

В фокусе внимания: демография

С.В. Захаров. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.33

Т.М. Малева, О.В. Синявская. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике.....70

Я.М. Рощина. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России98

М. Ронсен. Рождаемость и семейная политика в Норвегии: размышления о тенденциях и возможных связях.....134

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная. Роль международной миграции в Россию в демографическом и социально-экономическом развитии страны151

Экспертное мнение

Т.Л. Клячко. Социально-экономическое развитие российской системы образования в 2000—2005 гг.170

Новое в методах

А.И. Пишняк. Исследование стилей жизни: психографический метод в социологических исследованиях202

Книжное обозрение: эконом-географы о социальных проблемах

Н.В. Зубаревич. Рецензии на книги: Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки (2003); Нефедова Т., Пеллот Д. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? (2006).....215

Социальное законодательство

Левина М.И. Обзор социального законодательства: весна — осень 2006 г.....219

Общественное мнение

Косова Л.Б., Белецкая А.В. Динамика представлений о семейных ролях: вторичный анализ данных ISSP (International Social Survey Programme)232

Сведения об авторах.....239

Аннотации к статьям.....240

Summaries244

С.В. Захаров

Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.

Постановка проблемы

В преддверии ожидаемого принятия новых мер семейной политики, намеченных, согласно заявлениям Президента РФ В.В. Путина¹ и официальных лиц в Правительстве РФ², на 2007 г., анализ прошлого опыта проведения активной политики по отношению к семье, в первую очередь отечественного, имеет важное значение для оценки возможного демографического эффекта новых мер и возможных социальных последствий от их введения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Следует отметить, что согласно официальным заявлениям, новый комплекс мер будет прямо ориентирован на «стимулирование рождаемости», т.е. основная цель их принятия — повышение рождаемости в стране. Никогда прежде в истории нашей страны пронаталистская направленность государственной политики не артикулировалась столь явно. И в 1930—1940-е гг., когда предпринимались первые попытки государственного вмешательства в демографическую сферу, и в 1980-х гг., когда, по сути, был создан основной каркас действующей системы мер семейно-ориентированной политики, курс на повышение рождаемости на официальном уровне открыто не провозглашался. В официальных документах соответствующих лет говорилось о необходимости усиления *помощи* семьям, работающим матерям в их жизнедеятельности и, в частности, выполнении ими важной социально-демографической функции. Очевидный пронатализм вводимых мер, хотя и без затруднений, но лишь угадывался как из самого списка мер, так и из преамбул соответствующих документов, демонстрирующих озабоченность демографической ситуацией и обосновывающих необходимость принятия специальных решений.

Не обсуждая сейчас ситуационную обоснованность, по сути, парадигмальной смены целевых ориентиров политики государства по отношению к семье и подоплеку такой «смены вех» в более широком политическом контексте в современной России, необходимо все же подчеркнуть, что государство сегодня принимает на себя повышенные обязательства не только по правовому и финансово-экономическому обеспечению предлагаемых мер политики, но и в отношении поставленных задач — повышения рождаемости со всеми возможными социальными последствиями. Такого уровня ответственность российская государственность на себя не прини-

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>

² <http://www.mzsrrf.ru/vust/96.html>; <http://www.mzsrrf.ru/news/294.html>;
<http://www.mzsrrf.ru/news/326.html>; <http://www.mzsrrf.ru/news/374.html>

мала, по крайней мере, в официально декларируемой форме, ни в период империи, ни в советский, ни в постсоветский период.

В то же время, как показывает отечественный и зарубежный опыт, семейно-ориентированная политика, даже если она прямо и не направлена на изменение уровня рождаемости, т.е. в самом общем случае: а) может приводить к не только желательным и предсказуемым, но и к нежелательным и непредсказуемым демографическим результатам; б) может вызывать отрицательные социальные последствия, сопровождающие, а иногда и перевешивающие по своему значению для общества положительные сдвиги. Если же перед политикой прямо ставится цель за короткое время повысить уровень рождаемости до заданного уровня, как предлагается в обсуждаемом новом варианте «Концепции демографического развития страны», с сегодняшних 1,3 до 1,65–1,7 детей в расчете на одну женщину³, то возникает важный вопрос о том, насколько этот целевой ориентир в демографической сфере сбалансирован с приоритетами и целевыми ориентирами в других общественных сферах, в частности, в сфере труда и занятости, образования, здравоохранения. Не окажется ли, что для общества в целом социально-экономическая цена желаемого демографического результата, если он и будет достигнут, окажется слишком высокой? Мировая история учит, что резкие изменения скорости течения демографических процессов никогда не проходят безболезненно для всех подсистем общества.

Достаточно известен факт, что антиалкогольная кампания во второй половине 1980-х гг., по крайней мере на короткий период, вызвала существенное снижение смертности, но в то же время усилила неустойчивость финансово-экономической системы страны и, тем самым, ускорила крах советской политической системы в целом, не говоря уж о том, что она дала резкий толчок к росту криминогенности, распространенности токсикомании и наркомании. Менее известно, что вследствие ускорения темпов формирования семей под воздействием мер семейной политики в 1980-е гг. расширилось поле бедности не только потому, что увеличилось число детей у очень молодых родителей, но и потому, что несколько миллионов домашних хозяйств опирались только на один «мужской» доход, поскольку женщины находились в более длительных, чем прежде, отпусках по уходу за ребенком (пособия в семейном бюджете играли мизерную роль, да и к тому же быстро обесценивались в силу нарастающей инфляции и тотального дефицита потребительских товаров). Это обстоятельство значительно снизило адаптационные возможности российских семей в первые, самые трудные годы перехода к рыночным экономическим отношениям.

К сожалению, следует констатировать, что всестороннего анализа результатов семейной политики 1980-х гг., даже спустя полтора десятилетия после ее условного завершения в 1990 г., мы не имеем. Если демографы, со своей стороны, все же высказывались в печати по поводу ее демографической эффективности (кто вскользь, кто более развернуто и доказа-

³ Именно этих показателей предлагается достичь к 2015 г., о чем говорится, в частности, в получившем известность варианте программы демографического развития России, подготовленном широким кругом авторов при поддержке ООО «Деловая Россия», которую, в свою очередь, активно использует Министерство здравоохранения и социального развития при подготовке официального варианта. См.: Национальная программа демографического развития России. М., 2006. Октябрь. С. 11.

тельно), то со стороны экономистов и социологов нет опубликованных работ, в которых хотя бы затрагивалась данная тема⁴. Как будет показано ниже, в короткий календарный период в стране родилось на 2,3 млн. детей больше, чем можно было бы ожидать в отсутствие политики. Как это сказалось на микроэкономике семьи и внутрисемейных трансфертных отношениях, в частности? К каким последствиям для образовательной и трудовой биографии женщины и мужчины это привело? Способствовали ли льготы и прочие меры политики внутрисемейному и межпоколенному сплочению? Усилила ли политика гендерное равенство в семейной и внесемейной сферах жизнедеятельности? В какой мере были востребованы и использованы отпуска по уходу за ребенком? На эти и на многие другие вопросы мы ответов не знаем.

В данной работе мы вновь вынуждены ограничиться рассмотрением лишь демографических аспектов результатов семейной политики 1980-х гг. К этому побуждает, во-первых, наличие необходимой и вполне надежной официальной демографической информации (переписи населения, текущая регистрация рождений). К сегодняшнему дню существует исчерпывающая информация об истории рождаемости поколений, начинавших в 1980-х гг. свой репродуктивный цикл. Во-вторых, есть возможность существенным образом дополнить макростатистические данные информацией, полученной в результате разработки представительного на национальном уровне обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)⁵, программа которого содержит богатый набор ретроспективных вопросов, позволяющих реконструировать репродуктивную биографию поколений, находившихся в возрастах деторождения в период действия политики. Кроме того, обследование позволяет приоткрыть завесу над практически неосвещенной прежде темой о специфике ответной реакции параметров репродуктивного поведения на предложенные государством меры и льготы в различных социальных strata населения.

Дискуссия об эффективности семейной политики в 1980-х гг. в отечественной литературе

Дискуссия о том, как относиться к очевидному и весьма существенно-му увеличению конъюнктурных показателей рождаемости в 1981—1987 гг., естественным образом развернулась сразу же после фиксации факта этого повышения.

Претендуя на подведение итогов дискуссии, В.А. Борисов и А.Б. Синельников в 1996 г. выносят следующий вердикт: «Что касается эффек-

⁴ Автор будет очень признателен, если более осведомленные читатели поделятся сведениями об опубликованных социологических и экономических работах, касающихся социально-экономических последствий инновационной семейной политики, проводимой в СССР в 1980-х гг.

⁵ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» «Generations and Gender Programme/Survey» (GGS) было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием ЗАО «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Германия). Объем нестратифицированной выборки — 11 261 мужчин и женщин 18—79 лет в городской и сельской местности 32 субъектов РФ, метод опроса — формализованное интервью.

тивности принятых в 1981 г. мер, то здесь мнение демографов — единодушное, без каких-либо исключений. Все специалисты оценили их как неэффективные. Действительно, повышение рождаемости было незначительным и кратковременным. Оно продолжалось до 1987 г., а затем снижение продолжилось (заметим, до начала обострения социально-экономического кризиса)». «Повышение рождаемости в 1981—1987 гг. явилось в значительной части (наряду с рядом других структурных факторов) результатом сдвигов запланированных семьями рождений детей на более ранние сроки по сравнению с первоначальными планами (так называемых тайминговых сдвигов, или, иначе, изменений календаря рождений), но при этом не увеличилась потребность семей в общем числе детей»⁶. Эти же авторы говорят не только о неэффективности, но и о несвоевременности⁷ принятия политических мер⁸.

Так ли уж едино было мнение специалистов? Обратимся еще раз к опубликованным работам, в первую очередь, тех демографов, которые специализировались на анализе рождаемости.

Г.П. Киселева в работах 1987—1989 гг., не приводя, правда, никаких расчетных доказательств, высказывается следующим образом: «Говоря об эффективности мер, направленных на экономическую помощь семьям, следует иметь в виду, что они существенно не меняют интенсивности рождаемости. Большинство рождений, вызванных этими мерами, все равно бы произошли, только в другие, по-видимому, более поздние сроки. Безусловно, нельзя не учитывать, что экономические меры оказывают определенное влияние на увеличение рождаемости за счет рождения детей в той группе населения, которая из-за длительного откладывания рождения ребенка выходит из репродуктивного возраста, так и не реализовав свою потребность в детях, а также за счет женщин, которые при откладывании рождений прибегают к абортam, что иногда приводит к возникновению вторичного бесплодия»⁹.

На ведущей роли календарных («тайминговых») сдвигов в повышении рождаемости в первой половине 1980-х гг. настаивала Н.А. Шнейдерман,

⁶ [Борисов, Синельников 1996: 69].

⁷ Замечание о несвоевременности мер сделано неслучайно. Один из положительных эффектов, который может принести политика, направленная на повышение рождаемости, — это сглаживание воспроизводящихся демографических волн, инициированных, в первую очередь, падением рождаемости в годы Второй мировой войны. Малочисленные когорты военных лет рождения произвели на свет малочисленных потомков во второй половине 1960-х гг. (первичное эхо войны), а те, в свою очередь, должны были сильно понизить число рождений в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (вторичное эхо войны). В связи с этим логичным представлялось бы стимулировать рождаемость не в первой половине 1980-х гг., как было сделано, а на 5—7 лет позже. На практике же получилось, что политика повысила и без нее ожидаемый высокий гребень волны рождений в середине 1980-х гг. и еще более углубила ожидаемую яму в начале 1990-х гг. На этот отрицательный эффект указывает и О.Д. Захарова, цитируемая ниже. Похоже, что государство собирается наступить на те же грабли второй раз. Для того чтобы попытаться хотя бы немного сгладить сильную изреженность нашей возрастной пирамиды и притупить разрушающее воздействие демографических волн в будущем, новые меры политики, стимулирующие рождаемость, нужно было бы вводить не президенту Путину, а его преемнику, и соответственно не в 2007 г., а после 2010 г.

⁸ [Борисов, Синельников 1996: 68].

⁹ [Киселева 1989: 12; Борисов и др. 1987: 161—162]. В этой же работе 1987 г. В.А. Борисов высказывался менее категорично, чем десять лет спустя: «Безусловно, определенного успеха эти меры достигли. Однако повышение рождаемости было недостаточным». «Опросы населения не показывают никаких изменений в репродуктивной ориентации семей, и поэтому нет оснований коренных изменений в тенденциях рождаемости» [Борисов и др. 1987: 200].

анализируя коэффициенты суммарной рождаемости по очередности рождений в городской и сельской местности регионов РСФСР [Шнейдерман 1991: 26—29].

Из всех известных нам специалистов в области анализа рождаемости наиболее критичную оценку политике 1980-х гг. выносит О.Д. Захарова: «Размер ущерба, нанесенного всей демографической динамике в России непродуманной политикой 80-х годов, вполне сопоставим с демографическими катастрофами предвоенных и военных лет. Отличие лишь в том, что сегодня эти потери уже невозможно компенсировать за счет внутренних потенциальных резервов самого населения» [Захарова 1993: 60]. «Судя по уровням реализации репродуктивных планов отдельных возрастных когорт (по данным переписи 1989 г.), реального повышения рождаемости, а точнее — детности семей, или пересмотра репродуктивных установок не произошло», «значительное число женщин репродуктивного возраста, реализовав свои планы в отношении числа детей, полностью прекратили свое участие в формировании текущих уровней рождаемости и на многие годы превратились в своего рода бесполезный балласт» [Захарова 2001: 24]. «Самым неблагоприятным итогом 1980-х годов стало то, что эволюционный тренд рождаемости был сломан, и началось неуправляемое изменение сроков реализации репродуктивных планов когорт» [Там же: 26].

Некоторым особняком в ряду работ, посвященных анализу воздействия политики 1980-х гг. на рождаемость, стоит работа М.А. Клупта. В конце 1980-х гг., т.е. по горячим следам, автор оценил возможность объяснения наблюдавшегося увеличения показателей рождаемости для условных поколений одними только календарными сдвигами рождений в реальных поколениях. С помощью сконструированной им оригинальной статистической модели автор сравнивал фактические возрастные коэффициенты рождаемости для календарных лет, в течение которых действовали меры политики, с гипотетическими коэффициентами при различных условиях, связанными с пропорциональным переносом рождений от старших возрастов к младшим. Иными словами, автор смоделировал возможный тайминговый сдвиг рождений на более ранние сроки у поколений, находившихся в детородных возрастах [Клупт 1988: 51—58]. Метод, основанный на проверке статистических гипотез, привел автора к выводу, что рост рождаемости в России в 1980-е гг. не был связан исключительно с календарными сдвигами, т.е. можно было предположить и действительное повышение рождаемости в реальных поколениях [Клупт 1990: 35—39]. Метод М.А. Клупта не позволяет определить, в какой мере увеличение конъюнктурных показателей связано с истинным повышением рождаемости, а в какой — со сдвигами в календаре рождений. Кроме того, со временем результаты, полученные с помощью подобных моделей, теряют эвристический смысл — по мере того, как накапливаются данные о фактической рождаемости реальных поколений, нет никакой необходимости прибегать к статистико-математическим моделям для ответа на вопрос, было ли повышение рождаемости в реальных поколениях или нет. В то же время модель, предложенная автором, заслуживает внимания тем, что ее можно использовать для предварительных выводов, не дожидаясь окончательных результатов репродуктивного поведения когорт, т.е. по «ходу пьесы», по мере развертывания событий, вызванных вмешательством государственной политики в естественный ход эволюции рождаемо-

сти. Так что работа М.А. Клупта сыграла свою роль в нужное время, заставив специалистов более внимательно отнестись к наблюдаемой динамике показателей рождаемости. Модель также помогла уточнить максимальное число календарных лет, в течение которых должен наблюдаться рост коэффициента суммарной рождаемости (показателя итоговой рождаемости для условного поколения), чтобы можно было ставить вопрос о несводимости этого роста к эффекту, вызванного одними только календарными сдвигами. В общем случае эта величина, по его оценке, составляет около 7 лет.

Более чем скептически относился к эффекту демографической политики крупнейший авторитет в области анализа рождаемости Л.Е. Дарский. В 1988 г. в соавторстве с В.А. Беловой и Г.А. Бондарской он писал: «Повышение коэффициентов рождаемости в последние годы в республиках с низкой рождаемостью не следует целиком относить на счет эффекта демографической политики. Повышение коэффициентов рождаемости в молодых возрастах началось значительно раньше, чем были приняты специальные меры по стимулированию рождаемости. Некоторое повышение ожидаемого числа детей было заметно уже по материалам обследования 1981 г., особенно среди молодых женщин. В последние годы эта тенденция несколько усилилась, возможно, под влиянием мер демографической политики» [Белова, Бондарская, Дарский 1988: 76]. Отметим это справедливое замечание, имеющее прямое отношение к вопросу о том, каков в действительности был эффект политики. На факт некоторого увеличения рождаемости до введения мер политики указывал в те же годы и А.Г. Вишневский: «С этим мерами [политики] демографы не без оснований связывают подъем рождаемости в ряде возрастных групп в начале 80-х годов, тем более что он наблюдался как раз в тех республиках [СССР], где занятость женщин в общественном производстве и притом в несельскохозяйственных отраслях особенно высока. И все же меры по активизации демографической политики позволяют объяснить не все факты, относящиеся к последнему подъему показателей рождаемости. В частности, они не объясняют роста показателей у женщин 20—24 лет, который в ряде республик начался в 1978—1979 гг., т.е. до введения указанных мер» [Вишневский 1988: 109—110]. Имея доступ к уникальным данным микропереписи 1985 г., Л.Е. Дарский строит специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения для условных поколений и приходит к выводу, что небольшое увеличение вероятности вторых, третьих и четвертых рождений действительно имело место, и «повышение показателей строго следовало во времени за мерами помощи семьям, которые вводились на разных территориях в разное время» [Андреев, Дарский, Харьковская 1993: 85]. В то же время, понимая методологическую ущербность оценки эффекта политики, построенную только на анализе рождаемости для условных поколений, в более поздней работе Л.Е. Дарский напишет: «Есть основания предполагать, что некоторая часть увеличения рождаемости есть эффект демографической политики». Однако «окончательное заключение можно будет сделать к концу века, когда возможно будет оценить интервалы между рождениями в реальных поколениях» [Darsky 1994: 60—61].

К анализу динамики рождаемости для реальных поколений обращаются в работах первой половины 1990-х гг. А.А. Авдеев и С.В. Захаров.

А.А. Авдеев в соавторстве с А. Моннье (INED, Франция) оценивал эффект политики с помощью двух подходов: а) основанного на сравнении кумулятивной рождаемости женских когорт 1950—1960 г. с когортой 1945 г.р., не испытавшей влияния политики по причине достигнутого возраста; б) основанного на сравнении фактической рождаемости когорт с гипотетической рождаемостью, которую можно было бы ожидать, если бы оставались постоянными тенденции изменения возрастных коэффициентов рождаемости для условных поколений, наблюдаемые в период с 1970 по 1980 г. [Avdeev, Monnier 1995: 26—28].

В рамках первого подхода кумулятивный эффект политики был оценен для когорты 1950 г.р. в 2,4% от величины итоговой рождаемости когорты 1945 г.р., и в 1,5% для когорты 1955 г.р. А для когорты 1960 г.р. оценить эффект политики, по мнению автора, не представляется возможным в силу мощных сдвигов в сторону омоложения рождаемости, характерных для поколений 1960-х г.р. Второй подход приводит автора к максимально возможной оценке эффекта политики — для различных когорт женщин от 2 до 15% от величины итоговой рождаемости. А.А. Авдеев справедливо замечает, что если бы снижение рождаемости в 1980-х гг. проходило медленнее, чем в 1970-х гг. (а для этой гипотезы имелись все основания, см. выше замечания Л.Е. Дарского и А.Г. Вишневого. — С.3.), то относительная оценка действительного эффекта политики, естественно, будет ниже приведенных значений. Подводя итог своим расчетам, автор пишет: «мы можем сказать, что меры политики не привели к сколько-нибудь значимому изменению рождаемости в сравнении с когортой 1945 г.р. Наблюдаемый рост также в значительной степени был вызван изменениями в репродуктивном поведении в направлении к более ранней рождаемости, начавшимися до принятия мер политики. Самое большее, что можно сказать, так это то, что пронаталистская политика приостановила падение, начавшееся в начале 1970-х гг.» [Там же: 28].

В своих работах середины 1990-х гг. автор данной статьи, опираясь на результаты, полученные при построении таблиц рождаемости с учетом очередности рождений для условных и реальных поколений (соответственно на основе расчета вероятностей очередного рождения), по сути, пришел к тем же выводам, что и А.А. Авдеев. «Когортный анализ показывает, что стимулирующее значение мер социально-демографической политики 80-х годов в России проявилось двояко. Во-первых, увеличилось итоговое среднее число рождений в когортах, завершающих свою репродуктивную деятельность. Это говорит о том, что часть вторых и третьих рождений в отсутствие данной политики вряд ли бы появилась на свет. Во-вторых, резко усилилась тенденция к омоложению рождаемости и уменьшению интервалов между рождениями детей первых трех очередностей. Значительная часть семей в короткий пяти-шестилетний срок полностью реализовала свои планы относительно желаемого числа детей, да и к тому же в более молодом возрасте, чем предшествующие поколения» [Zakharov, Ivanova 1996: 52; Захаров 1996: 51—52; см. также: Захаров 2000: 57—60]. Тогда же было показано, что политика не приостановила снижение вероятности рождения четвертых и последующих по порядку рождения детей в реальных поколениях [Zakharov, Ivanova 1996: 52, 74—80].

Абсолютно неэффективной политику 1980-х гг. считает социодемограф А.И. Антонов. Более того, он вообще отрицает повышение рождаемости

в описываемый период. Однако логика его размышлений не совсем понятна. Мы позволим себе пространное цитирование этого автора, чтобы читатель самостоятельно мог погрузиться в ход его мысли.

«Задача собственно семейной политики — усиления потребности семьи в детях до уровня среднедетности не ставилась и не обсуждалась во властных структурах. Поэтому напрасно было рассматривать эти меры в контексте “стимулирования” рождаемости, однако на это пошли многие ученые и чиновники, когда психотерапевтический эффект принятых мер сработал — из-за более полной реализации потребности в двух детях немного повысились грубые коэффициенты. Однако результаты интенсивно проводившихся тогда исследований репродуктивного поведения подтвердили отсутствие воздействия этих мер на усиление самой потребности в детях. До середины 80-х продолжалось некоторое увеличение общего коэффициента рождаемости в связи с улучшением структуры брачности и пропорций мужского и женского населения. Но в европейской части бывшего СССР, особенно в городах, рождаемость стремительно падала...» [Антонов, Сорокин 2000: 339].

«Улучшение структуры населения и после 1981 г. улучшение условий реализации имеющейся у населения потребности, в основном, в двух детях перекрывало действие ничем не тормозимой тенденции к снижению интенсивности рождаемости, т.е. к снижению потребности в детях, репродуктивных установок в 80-е годы, за счет чего суммарный коэффициент (подверженный латентному влиянию структуры) в 1987 г. вырос до 2,218, после чего начал снижаться (2,007 в 1989 г.). Если бы не латентное воздействие структуры и тайминга рождений, то эта величина была бы около 1,6, т.е. близкой к тогдашнему уровню репродуктивных установок (1,8—1,9, так как обычно потребность в детях реализуется не полностью)» [Антонов 2002: 38—39].

«В 70-е и 80-е годы прежний спонтанный ход событий, не сталкивающийся на своем пути с каким-либо сопротивлением, начинает ослаблять и новую массовую потребность [в двух детях. — С.3.], постепенно увеличивая долю малодетных семей, а в пределах малодетности — семей с одним ребенком. Но этот процесс затушевывается компенсаторными колебаниями величин суммарных коэффициентов (1978—1979 гг. — 1,89, 1989 г. — 2,02), которые ни в коем случае нельзя называть “ростом рождаемости”» [Там же: 40].

«Меры 1981 г. по облегчению сочетания материнских функций с работой на государственном производстве (неверно именуемые мерами стимулирования рождаемости) не вели к значительному повышению уровня жизни среди тех, кто ими пользовался, т.е. не дали роста УП и УД [согласно автору УП — уровень притязаний, УД — уровень достижений. — С.3.]. Но они... способствовали селективному восприятию условий жизни как скорее благоприятных для реализации имеющейся у населения потребности в детях (во втором ребенке у однодетных, в третьем у двухдетных, и т.д.). Повысилась готовность к рождению наличествующих установок детности, но не сами установки, не потребность в детях. Суммарный коэффициент повысился за счет роста степени реализации репродуктивных установок, которая вовсе не была полной» [Там же: 48].

Итак, согласно А.И. Антонову, реализация установок/потребности в детях в годы действия мер политики увеличилась, однако при этом рож-

даемость не только не повысилась, но даже чуть ли не стремительно снижалась. Как это возможно теоретически и практически, остается непонятным, если только не поставить знак равенства между рождаемостью и потребностью в детях (или рождаемость в данном авторском контексте надо приравнять к репродуктивным установкам?), но не будет ли это слишком сильным обобщением даже для социодемографа?

В последние годы интерес к оценке эффективности политики 1980-х гг. вновь возрос, что, конечно, обусловлено развернувшейся дискуссией о необходимости активизации демографической политики с целью повышения рождаемости. Публикация данных переписи населения 2002 г. о числе рожденных детей предоставила возможность ряду авторов еще раз убедиться в том, что политика 1980-х гг. привела к слабому увеличению итоговой рождаемости поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг. [см., например: Елизаров 2005: 29; Архангельский 2006: 34—37]. Так, к примеру, В.Н. Архангельский пишет: «Оценивая влияние мер помощи семьям с детьми, реализовавшихся в 1980-е гг., следует отметить, что они повлияли на календарь рождений, привели к более раннему появлению в семьях вторых и третьих детей. Об этом косвенно свидетельствует то, что повышение суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений было несколько большим, чем для реальных. В то же время и в реальных поколениях женщин произошло некоторое повышение рождаемости, связанное, вероятно, с более полной реализацией потребности в детях. В максимальной степени, судя по данным переписи населения 2002 г., оно затронуло поколение женщин 1953—1957 гг. рождения... Можно предположить, что реализация мер помощи семьям с детьми дала прибавку среднего числа рожденных детей в этой когорте, равную 0,1—0,2 ребенка. Делая такую оценку, видимо, целесообразно сравнивать среднее число рожденных детей в этом поколении не с минимальным имевшим место в более старших когортах (1,807 у родившихся в 1943—1947 гг.; тогда прирост не превышает 0,07), а учитывая тенденцию снижения рождаемости, имевшую место как в условных, так и в реальных поколениях женщин» [Архангельский 2006: 35]. Итак, общий вывод автора практически в точности повторяет выводы, сделанные А.А. Авдеевым и С.В. Захаровым десятилетием раньше. В то же время позволим себе выразить сомнение в том, что прибавку среднего числа рождений в реальных поколениях, которую можно было бы приписать мерам политики 1980-х гг., можно поднять до 0,2 детей в расчете на одну женщину, как это считает В.Н. Архангельский. Вопрос в том, а было ли снижение рождаемости в условных и реальных поколениях накануне введения в действия мер политики?

Напомним, что меры семейной политики были введены в действие в ноябре 1981 г. на Дальнем Востоке, в Сибири, Карельской АССР, Коми АССР, в Архангельской, Мурманской, Вологодской, Новгородской и Псковской областях, а с ноября 1982 г. на всей остальной территории РСФСР. В то же время слабое увеличение рождаемости в стране фиксировалось до введения этих мер. Увеличение рождаемости в 1981 г. так интерпретируется В.Н. Архангельским: «Некоторое увеличение числа родившихся уже в 1981 г., вероятно, было также связано с этими мерами помощи. Скорее даже не с реализацией их, а с публикацией Постановления. Впоследствии было дано разъяснение, что большинство этих мер будет вводиться поэтапно в различных частях территории страны, начиная

с 1 ноября 1981 г. Казалось бы, в этом случае на показателях рождаемости 1981 г. эти меры сказаться еще не могли. Однако в самом тексте Постановления, опубликованном в первом квартале 1981 г., ничего о сроках введения мер сказано не было, и граждане имели все основания полагать, что они начнут реализовываться сразу или почти сразу после публикации Постановления. Вероятнее всего, это и привело к некоторому увеличению числа родившихся уже в 1981 г.» [Архангельский 2006: 8].

Даже если допустить столь массово проявившую себя наивность россиян в 1981 г., то как объяснить, что коэффициент рождаемости начал повышаться по отдельным территориям России с 1980 г.?¹⁰ Об увеличении накопленного числа рождений в реальных послевоенных поколениях также свидетельствовали соответствующие расчеты [Вишневский, Щербов, Аничкин 1988: 54—67]. Данные, приведенные в табл. 1, говорят о том, что в России рождаемость у матерей до 20 лет устойчиво увеличивалась в 1970-х гг., в возрастной группе 20—24 лет снижение прекратилось в 1977 г., а в 1980 г. уже имелся ее прирост. В возрастах от 30 до 35 лет практически никакого снижения в 1979 и 1980 гг. не было.

Таблица 1. Сумма однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по пятилетним возрастным группам в расчете на 1000 женщин, и коэффициент суммарной рождаемости (итоговая рождаемость условного поколения). Россия, 1975—1987 гг.

Год	15—19 лет	20—24 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40—44 лет	45—49 лет	КСР*
1975	177	783	537	299	138	37	3	1,97
1976	183	790	537	280	129	35	3	1,96
1977	187	778	531	270	121	32	3	1,92
1978	194	777	525	264	111	29	2	1,90
1979	201	777	506	253	102	26	2	1,87
1980	205	786	501	252	96	24	2	1,86
1981	202	784	515	262	97	23	2	1,88
1982	204	808	539	280	103	24	2	1,96
1983	216	837	590	311	111	24	2	2,09
1984	226	833	564	298	108	22	1	2,05
1985	232	828	564	296	111	21	1	2,05
1986	237	852	605	329	129	24	1	2,18
1987	252	867	612	338	136	26	1	2,23

Источник: Рассчитано автором на основе неопубликованных данных Росстата.

* КСР — коэффициент суммарной рождаемости, число рождений на одну женщину.

Интересно также, что наиболее высокие темпы прироста рождаемости в 1981—1983 гг. наблюдались как раз на территориях, в которых меры были введены не раньше, чем в других, а позже¹¹. Не явились ли меры 1981 г. лишь «детонатором» уже намечавшегося подъема уровня рождаемости? Не будем ставить окончательную точку в этом вопросе. Возможно, появятся новые свидетельства, которые позволят наконец-то разобраться в ситуации с рождаемостью накануне начала действия политики. В любом

¹⁰ См., например: [Кузьмин 1993: 54; Архангельский 1994: 134].

¹¹ На это указывал, в частности, автор данной статьи в своей кандидатской диссертации, посвященной региональному анализу демографических процессов в России [Захаров 1990: 156—157].

случае утверждать, что в отсутствии политики рождаемость в 1980-х гг. продолжала бы снижаться с сохранением предшествующих темпов в 1970-х гг., нет никаких оснований.

Подведем итоги. Действительно, ведущие специалисты не признают за семейной политикой, проводимой в 1980-х гг., право на то, чтобы считаться демографически эффективной, понимая под «эффективной» такую политику, которая ведет к значимым сдвигам в репродуктивных установках, к увеличению среднего числа детей в семьях или, точнее всего, к увеличению среднего числа детей, произведенных на свет одной женщиной в течение ее жизни. Однако невозможно отрицать и бесспорный факт, что политика имела сильный демографический эффект, выразившийся, в первую очередь, в непростых для интерпретации изменениях темпов формирования семей у целого ряда поколений, застигнутых инновационными мерами политики на различных этапах своего жизненного цикла. К рассмотрению этого вопроса мы и приступаем в следующих разделах.

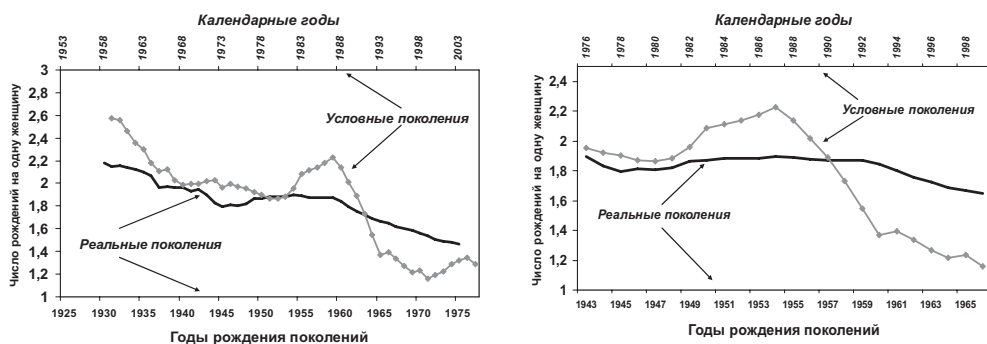
Общий тренд изменения рождаемости условных и реальных поколений в России в период 1981—1990 гг.

Общее представление о динамике рождаемости в двойной проекции — итоговой рождаемости условных поколений (для календарных лет) и итоговой рождаемости для реальных поколений (по году рождения женщины) представлены на рис. 1.

Левая панель рисунка отражает общий тренд с 1959 г., правая панель акцентирует внимание на периоде, центральное место которого занимает время действия политики 1980-х гг. Для того чтобы обеспечить возмож-

Рис. 1

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений, Россия

Примечания:

- **левая панель** — календарные годы 1959—2005, когорты 1930—1975 г.р.: совмещение осей нижней (годы рождения поколений) и верхней (календарные годы) осуществлено посредством сдвига на 28 лет;
- **правая панель** — календарные годы 1976—1999, когорты 1943—1966 г.р.: совмещение осей нижней (годы рождения поколений) и верхней (календарные годы) осуществлено посредством сдвига на 33 года.

Источник (здесь и далее для рис. 2—5): Расчеты автора с использованием неопубликованных официальных данных Росстата.

ность сравнения траекторий показателей для условных и реальных поколений на одном рисунке, в международной практике обычно используется технический прием, заключающийся в сдвиге кривых относительно друг друга на величину, близкую к среднему возрасту материнства, чаще всего на 28 лет, как это сделано при построении рисунка на левой панели¹². Можно заметить, что при этом не достигается полного совмещения минимумов показателей рождаемости для условных (конец 1970-х гг.) и реальных поколений (женщины, родившиеся в середине 1940-х гг.). Если же применить сдвиг на 26 лет — на фактическую величину среднего возраста материнства для этих же календарных лет и годов рождения женщин, как это предписывает теория, то расхождение минимальных точек только усилится. Совмещение минимумов достигается при лаге в 33 года — невероятно высокой величине, чтобы ассоциировать ее со средним возрастом материнства (правая панель рис. 1). Это, кстати, хотя и косвенное и не очень сильное, но все же еще одно свидетельство в пользу гипотезы, что рождаемость в реальных поколениях стала подниматься раньше, чем начали действовать меры политики, введенные в начале 1980-х гг. Совместив минимумы двух кривых, мы тем самым закрываем на время тему о тенденциях рождаемости накануне начала новой политики, считая для простоты анализа, что весь прирост в показателях итоговой рождаемости есть эффект инновационных мер семейной политики.

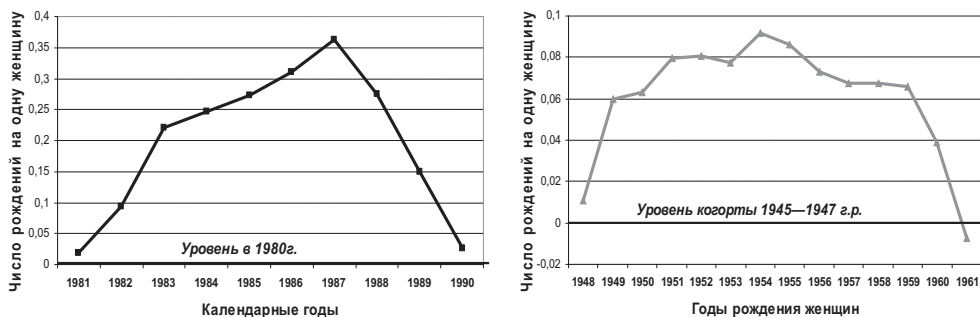
Правая панель рис. 1 дает четкое представление о том, насколько по-разному в интересующий нас исторический период выглядело изменение рождаемости в условных и реальных поколениях: резкий подъем конъюнктурных показателей (для календарных лет) весьма далек от едва заметного повышения итоговой рождаемости реальных поколений. Абсолютные отклонения значений показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений от минимальных значений показаны на рис. 2. Максимальный эффект политики по показателю рождаемости для условных поколений выразился в величине 0,36 рождений в расчете на одну женщину (2,23 в 1987 г. против 1,87 в 1980 г.), а по показателю рождаемости для реальных поколений — 0,09 рождений на одну женщину (1,90 для когорты 1954 г.р. против 1,81 в среднем для когорт 1945—1947 г.р.).

Оценка эффекта политики, выраженного в дополнительном числе рождений, приведена в табл. 2 и 3.

Если исходить из предположения, что возрастные коэффициенты рождаемости не менялись бы в 1981—1990 гг., оставаясь такими же, как в 1980 г., то мы приходим к оценке эффекта политики в 2 млн. 280 тыс. дополнительных рождений, что составляет 9,8% от фактического суммарного числа рождений за период 1981—1990 гг. (табл. 2). Однако означает ли это, что политика предоставила возможность дать жизнь дополнительно более 2 млн. российских граждан? Утвердительный ответ на этот вопрос будет методологически неверным. То, что в указанный фиксированный период родилось больше детей, чем можно было бы ожидать, еще не означает, что все эти дети вообще бы не родились, если бы не проводилась специфическая политика.

¹² В действительности в России средний возраст материнства снизился с 32 лет у женщин, родившихся в конце XIX в., до 25 лет у женщин, родившихся в конце 1960-х гг., что оправдывает использование усредненного лага в 28 лет при рассмотрении долговременной эволюции рождаемости. См.: [Захаров 2006г: 184—188].

Абсолютный прирост показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений, вызванный мерами политики в 1980-х гг. в России

Примечания:

- **левая панель** — превышение значений показателя для условных поколений в указанных календарных годах по сравнению с минимальным значением в 1980 г.;
- **правая панель** — превышение значений показателя для реальных поколений указанных годов рождения по сравнению с минимальным значением для женщин 1945—1947 г.р.

Таблица 2. Оценка дополнительного числа рождений, полученного в 1981—1990 гг. в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений за 1981—1990 гг., тыс.	23 312
Гипотетическое число рождений при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 1980 г., тыс.	21 032
Разница (условный эффект политики), тыс.	2280
В процентах от фактического числа	9,8
В процентах от гипотетического числа	10,8

Как будет показано ниже, в ответ на предложенные меры социальной политики целый ряд поколений дружно сдвинул сроки рождений детей в сторону более молодого возраста, к тому же сократив интервалы между первыми и вторыми, вторыми и третьими рождениями. В результате была достигнута избыточно высокая концентрация рождений на коротком промежутке календарного времени. Вслед за необычно быстрым исчерпанием потенциала — числа женщин, имевших намерение родить ребенка (детей) и реализовавших его в более ранние сроки, — неизбежно должен следовать резкий провал годовых показателей рождаемости, с чем Россия и столкнулась в 1988—1993 гг.

И все-таки какой-то части семей идея обзавестись ребенком пришла на ум только после того, как государством были предложены специфические меры новой семейной политики. Если бы это было не так, мы бы, вероятнее всего, не наблюдали отмеченное выше повышение рождаемости в реальных поколениях (напоминаем, что здесь и далее для простоты интерпретации результатов мы исходим из того, что тенденция к росту рождаемости в реальных поколениях к началу политики отсутствовала). Попробуем оценить дополнительное число рождений, простимулированное политикой. Для этого произведем расчет общего числа рождений, которые дали поколения с более высоким показателем итоговой рождаемости (женщины, родившиеся в 1948—1960 гг.) по сравнению с поколениями 1945—1947 г.р. и далее сравним это фактическое число с гипотетическим

числом рождений, которое можно было бы ожидать, если бы для тех же поколений итоговый показатель рождаемости сохранился на минимальном уровне когорт 1945—1947 г.р. Результаты расчетов представлены в табл. 3. Фактическое суммарное число рождений у поколений 1948—1960 г.р. за весь репродуктивный период (т.е. к возрасту 50 лет для каждого поколения) составило 29 млн. 180 тыс., а гипотетическое — 28 млн. 136 тыс. Соответственно эффект политики можно оценить в размере 1 млн. 44 тыс. дополнительных рождений, или в 3,6% от фактического числа рождений.

Таблица 3. Оценка прироста числа рождений в женских поколениях 1948—1960 г.р., полученного в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений у поколений 1948—1960 г.р. за весь репродуктивный период, тыс.	29 180
Гипотетическое число рождений при сохранении показателя итоговой рождаемости на уровне поколений 1945—1947 г.р., тыс.	28 136
Разница (условный эффект политики), тыс.	1044
В процентах от фактического числа	3,6
В процентах от гипотетического числа	3,7

Различие в числах рождений, приведенных в табл. 2 и 3, не должны смущать, поскольку они вообще не могут сопоставляться сами по себе. Во-первых, репродуктивная деятельность анализируемых поколений не ограничивается только периодом, в котором политика активно действовала, так как часть рождений у поколений 1948—1960 г.р. была произведена до 1981 г., а часть — после 1990 г., и, во-вторых, в формировании общего числа рождений в 1981—1990 гг. участвовали не только указанные поколения женщин. Вклад женщин, родившихся в 1948—1960 гг., составил 72,6% от общего числа рождений в 1981 г., а затем, снижаясь, достигает 48,7% в 1985 г. и 22,4% в 1990 г. Иными словами, поколения с повышенной рождаемостью вносили решающий вклад в годовые числа родившихся именно в первые годы после старта политики.

Итак, если конечная демографическая цель политики сводится к преумножению численности граждан, то при оценке эффекта, произведенного политикой на рождаемость, мы должны исходить не из того, насколько больше детей родилось в том или ином году (или за период в несколько лет после введения инновационных мер политики), а насколько больше детей в конечном счете было рождено реальными поколениями родителей, оказавшихся в активных репродуктивных возрастах в момент действия политики. При таком подходе о высокой демографической эффективности мер политики 1980-х гг., действительно, говорить не приходится — дополнительный относительный прирост рождений, вызванный политикой, составил, по нашей оценке, менее 4%. Важен и еще один вывод: мы еще раз подтверждаем, что подавляющая часть выдающегося прироста рождений в 1980-х гг. объясняется не тем, что большая часть семей решила обзавестись еще одним ребенком, а тем, что значительная часть из них сделала это существенно раньше — в более молодом возрасте и с меньшим интервалом после предыдущего рождения, чем предшествующие и последующие поколения. К иллюстрации этого эффекта мы приступаем в следующем разделе.

Изменения итоговой рождаемости в трех проекциях: возраст, когорта по году рождения, календарный год

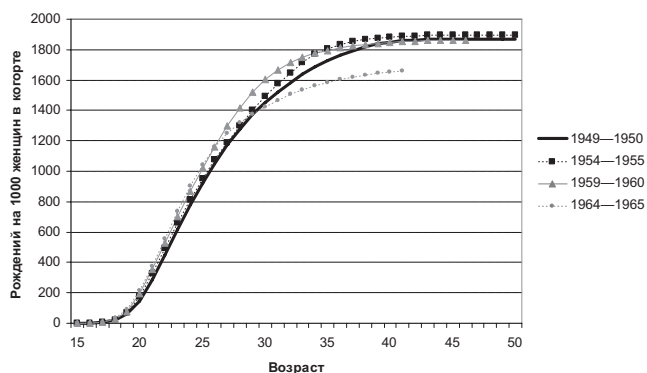
Рассмотрим, как менялась с возрастом накопленная рождаемость в реальных поколениях — основных творцах «бэби-бума» 1980-х гг. На рис. 3 демонстрируется функция кумулятивной рождаемости последовательности когорт женщин 1949—1965 г.р. Финальный итог к возрасту 50 лет у когорт 1949—1959 г.р. примерно один и тот же: 1,86—1,89 рождений в расчете на одну женщину. В то же время заметно, как каждое последующее поколение, включая женщин 1960-х г.р., все более значительную часть своих рождений относило на более ранний возраст.

Чтобы наглядно увидеть трансформацию возрастной функции рождаемости, произошедшую под влиянием политики, возьмем в качестве базы сравнения возрастные коэффициенты рождаемости за 1980 г., полагая, что эта возрастная кривая сформировалась в результате естественной эволюции и не несет на себе следы целенаправленного внешнего воздействия. Рассмотрим, насколько сильно отклоняются от нее возрастные профили рождаемости тех же поколений, что были представлены на рис. 3. На рис. 4 показан результат такого сравнения для каждой когорты, начиная с того возраста, в котором они находились в момент введения в действия мер политики. Заметим, что функция рождаемости поколений 1950-х г.р. на участках возрастов, предшествовавших началу действия мер политики, слабо отличается от модельной кривой 1980 г., взятой за базу сравнения, и потому в этой ее части (до политики) не представлена на рисунке в целях наглядности.

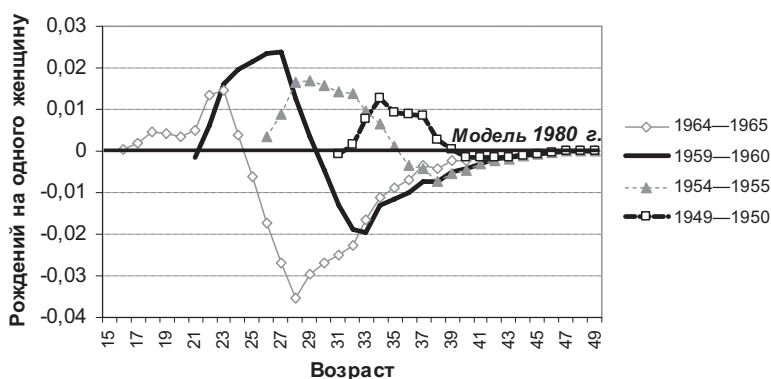
Становится очевидным, что мы имеем дело с тремя типами реакции на меры политики. Для поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг., характерен чистый прирост итоговой рождаемости за счет того, что примерно от 5 до 10 женщин из 100 в данных когортах приняли решение о рождении ребенка (еще одного ребенка) в зрелом 30-летнем возрасте. В отсутствие политики эти дети едва ли появились бы на свет. Для женщин, находящихся в старших возрастах, возможности для маневра со сроками рождения детей весьма ограничены и сводятся к дилемме: «рожать либо сейчас, либо никогда».

Рис. 3

**Кумулятивная возрастная функция рождаемости женских поколений
1949—1965 г.р. Россия, на 1000 женщин в когорте**

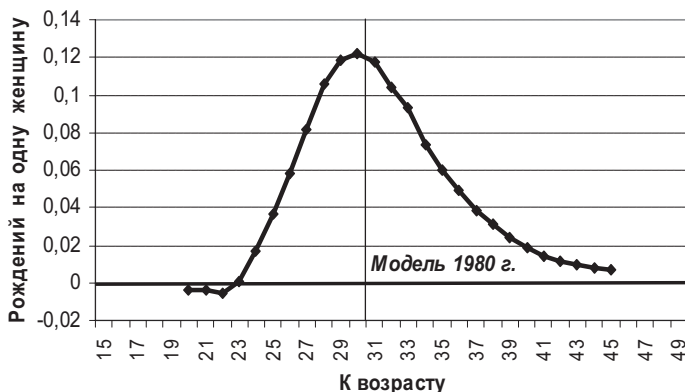
Абсолютные отклонения возрастных коэффициентов рождаемости женских поколений 1949—1965 г.р. от возрастных коэффициентов, наблюдавшихся в 1980 г., взятых в качестве базы сравнения. Россия, рождений в расчете на одну женщину

Поведение поколений второй половины 1950-х — начала 1960-х гг., находившихся в 20-летнем возрасте к моменту начала политики, тяготеет к простому изменению календаря рождений: чем больше женщин родили еще одного ребенка немедленно (в молодом возрасте), тем больше их не родили позже (в старшем возрасте). В результате общая величина итоговой рождаемости этих поколений слабо отличается от ожидаемой по модели 1980 г., а отклонение фактического возрастного профиля рождаемости от модельного напоминает синусоиду. Наглядное представление об изменении репродуктивного поведения этих поколений под влиянием политики мы получаем, рассмотрев пример когорты 1959—1960 г.р. (рис. 5). Отклонение накопленной к возрасту итоговой рождаемости данной когорты от ожидаемой по модели для условного поколения 1980 г. выглядит куполообразно: к 30-летнему возрасту график формирования итоговой рождаемости рассматриваемой когорты опережал в среднем ожидаемый график на 0,12 рождений, а после 32-летнего возраста темпы увеличения итоговой рождаемости плавно тормозятся, и к концу репродуктивного периода когорта приходит с результатом, который и ожидался по модели 1980 г. (к возрасту 50 лет отклонение фактической итоговой рождаемости от ожидаемой равно нулю). Перед нами классический пример чистого календарного эффекта, вызванного внешним воздействием.

Наконец, поколения самых молодых женщин, родившиеся в середине 1960-х гг. и позднее, начинали свою семейную биографию под «фанфары» начавшейся политики. Для них характерен очень мощный старт, или, иначе, очень раннее родительство. Темпы формирования семей к 25 годам для них вполне сопоставимы с теми, которые были распространены в аграрной России конца XIX в. Зато рождаемость в средних репродуктивных возрастах глубоко провалена, в результате чего репродуктивный итог их деятельности оказывается ниже, чем у предшествующих поколений — 1,67 рождений на одну женщину, что на 0,2 рождений меньше и по сравнению с реальными поколениями 1950-х г.р., и по сравнению с условным поколением 1980 г., взятым в качестве модели. Безусловно, пониженная рождаемость у когорты середины 1960-х г.р. в возрастах от 25 до 35 лет, в первую очередь, есть следствие изменившейся социальной реальности в начале 1990-х гг. (снижение уровня жизни, неустойчивость социального

Сравнение итоговой рождаемости когорты женщин 1959—1960 г.р. и итоговой рождаемости условного поколения 1980 г. Россия, рождения в расчете на одну женщину накопленным итогом к указанному возрасту

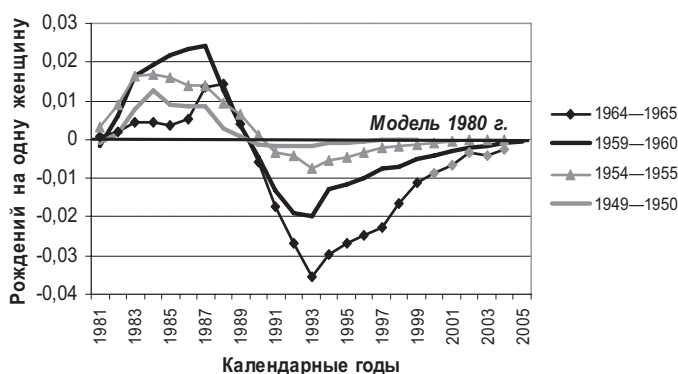

положения, неопределенность будущего и т.п.). С другой стороны, не нужно преувеличивать роль социально-экономического кризиса, о чем свидетельствует рис. 6, на котором те же отклонения возрастных коэффициентов от соответствующих коэффициентов по модели 1980 г., проецируются не на ось возраста, а на ось календарного времени. Отвесное падение интенсивности деторождения у когорты 1964—1965 г.р. началось уже в 1989 г., т.е. до наступления политического и социально-экономического коллапса, и с одинаковым темпом, т.е. без какого-либо ускорения, продолжалось до 1992 г. включительно.

Этот же вывод, о недостаточности объяснения падения рождаемости в начале 1990-х гг. кризисным состоянием в обществе, с еще большей уверенностью можно сформулировать по отношению к когортам 1950-х гг. Когорты женщин первой половины 1950-х гг. начинают торможение темпов формирования семей уже в середине 1980-х гг., а когорта 1959—1960 г. — в 1988 г., и никаких особенных ускорений снижения рождаемости, которые бы можно было ассоциировать с трудностями первой половины 1990-х гг., не наблюдается. В быстром снижении конъюнктурных показателей рождаемости в 1987—1993 гг. решающая роль принадлежит механизму чисто демографического свойства — компенсаторная расплата за избыточно высокие темпы формирования семей у поколений, находившихся в молодом возрасте в первой половине 1980-х гг. Если социальная норма детности и репродуктивные установки на число детей на массовом уровне не меняются, то последствия сдвига календаря рождений так и должны были выглядеть. Вполне обоснованно можно полагать, что если бы даже социально-экономическая ситуация в стране в 1990-х гг. была более стабильной, мы едва ли могли бы ожидать от поколений 1950-х г.р. существенно более значимый результат их репродуктивной деятельности.

Ниже мы приводим результаты, полученные в ходе разработки данных обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), которые не дают оснований для каких-либо иных выводов, которые бы противоречили полученным ранее с использованием макродемографических данных, что еще раз подтверждает действительную репрезентативность выборочного обследования. Так, данные, приведенные на рис. 7 и 8, еще раз свидетельствуют, что политика усилила уже имевшуюся до этого сильную тенденцию к омоложению рождаемости, и, вполне возможно, тен-

Абсолютные отклонения коэффициентов рождаемости реальных поколений в 1981—2005 гг. от соответствующих возрастных коэффициентов, которые можно было бы ожидать, следуя графику рождаемости условного поколения 1980 г.

денцию к некоторому росту итоговой рождаемости реальных поколений, особенно по сравнению с когортами 1940—1944 г.р.¹³ Данные РИДМИЖ подтвердили и общий демографический результат политики — прирост итоговой рождаемости не более 0,1 рождений в расчете на одну женщину в поколениях 1950-х г.р.

Важно заметить, что тенденция все более раннего обзаведения потомством продолжалась в России вплоть до середины 1990-х гг. Не исключено, что таким образом сказался эффект от продления частично оплачиваемых отпусков до 1,5 лет в 1989 г., отпусков по беременности и родам в 1990 г. Так, поколения 1970—1974 к возрасту 26 лет все еще опережали график рождаемости поколений 1945—1949 г.р. (рис. 8). Перелом наступает только начиная с поколений женщин, родившихся во второй половине 1970-х гг. Ускоренные темпы формирования семей в эти годы как-то не очень вяжутся с распространенными представлениями о негативной роли для рождаемости так называемой «шоковой терапии» при переходе к рыночной экономике. Видимо, взаимосвязь между демографической и экономической реальностью носит куда как более сложный характер, чем представляется на уровне здравого смысла.

Изменения вероятностей увеличения семьи: насколько увеличилось число женщин с двумя и тремя детьми?

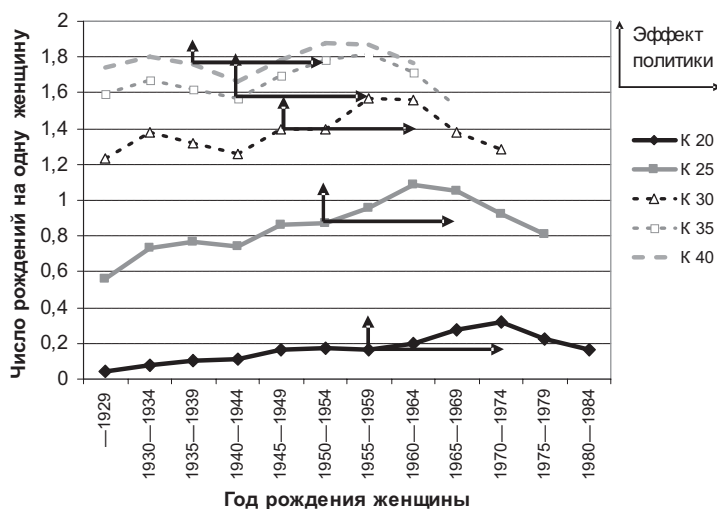
Известно, что в XX в., в отличие от других развитых стран, в России добровольная бездетность не получила значимого распространения. Согласно переписи населения 2002 г., среди женщин, завершивших свою репродуктивную деятельность (в возрастах от 40 до 55 лет) доля ни разу не рожавших женщин составила около 6%, в том числе среди замужних — 3%¹⁴. Такой уровень соответствует оценкам оконча-

¹³ В литературе имеются свидетельства того, что поколения, родившиеся в годы войны, обладая изначально ослабленным здоровьем, демонстрируют повышенную смертность на протяжении жизни, а также пониженную брачность и пониженную рождаемость. Данные РИДМИЖ это подтверждают.

¹⁴ Рассчитано на основе: [Рождаемость... 2005: 6—7, 180—181].

Рис. 7

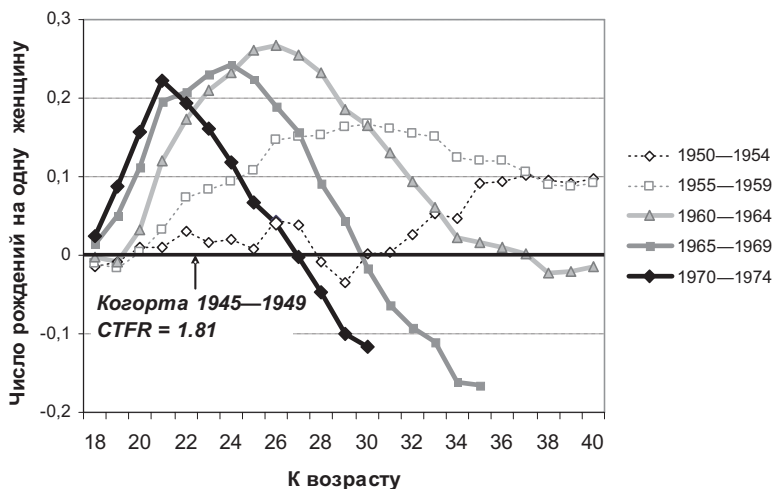
Итоговая рождаемость поколений накопленным итогом к указанным возрастам. Россия, рождений на одну женщину

Источник (здесь и далее для рис. 8—24): Расчеты автора на основе данных РидМиЖ.

Рис. 8

Сравнение итоговой рождаемости поколений 1950—1974 г.р. с итоговой рождаемостью поколений 1945—1949 г.р.: накопленным итогом к указанным возрастам. Россия, рождений на одну женщину

тельной бездетности для второй половины XIX в.¹⁵ Известно также, что в послевоенный период, после того как брачность оправилась от нарушений вызванных войной, инфертильность российских поколений снижалась¹⁶. Одновременно доля женщин, родивших одного и двоих детей,

¹⁵ [Захаров 2006в: 178].

¹⁶ Исходя из текущих тенденций рождаемости, можно ожидать, что у поколений 1970-х г.р. доля ни разу не рожающих женщин повысится до 10%. Данные обследования РидМиЖ позволяют сделать те же выводы. Правда, среди опрошенных женщин 20—29 лет доля тех, кто не собирается иметь ни одного ребенка, составляет 5%, что пока не дает оснований для утверждений о том, что

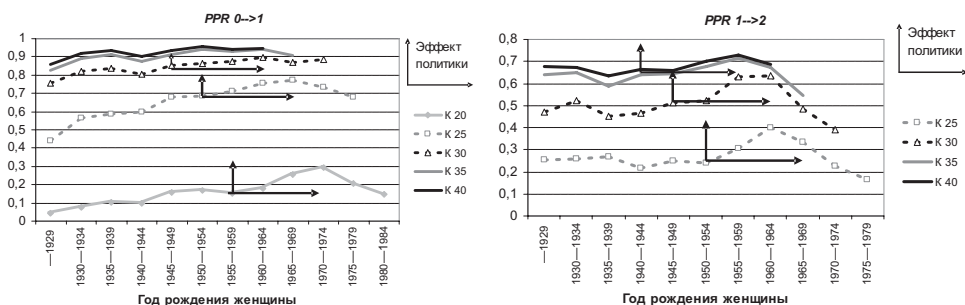
повышалась, а доля родивших трех и более детей сокращалась. Посмотрим, как на этом фоне развивались события в годы активизации семейной политики. Для этого вначале воспользуемся такой характеристикой как вероятность увеличения семьи¹⁷, оцененной по данным РидМиЖ для реальных поколений, а затем реконструируем распределения женщин по числу рожденных детей.

Динамика вероятности рождения первого ребенка представлена на левой панели рис. 9. Эффект политики 1980-х гг., главным образом, выразился в резком усилении тенденции к обзаведению детьми в особо раннем возрасте. Эта тенденция, как уже говорилось выше, наблюдалась во всех послевоенных поколениях. Однако стимулирующие меры политики довели до 30% долю женщин, имевших не менее одного рождения к 20 годам (рост вероятности рождения первенца — почти в 1,5 раза!). К 25 годам доля рожавших женщин также слегка увеличилась, достигнув 76%, однако, учитывая предшествующий тренд, прирост за счет собственно мер политики составил не более 5 процентных пунктов, к возрасту 30 лет — еще меньше. Окончательная же бездетность (к возрасту 50 лет) если и снизилась, то статистически незначимо.

Вероятность второго рождения под влиянием политики также резко подскочила, в первую очередь, в младших репродуктивных возрастах (правая панель рис. 9). В поколениях первой половины 1960-х гг. рождения к 25 годам 40% женщин из числа родивших первого ребенка уже обзавелись вторым ребенком (в поколениях первой половины 1950-х г.р. — 25%). К 30-летнему возрасту накопленная доля женщин с двумя рождениями в поколениях 1955—1964 г.р. поднялась до 63% (в поколениях первой половины 1950-х гг. — 52%). Однако прирост итоговой вероятности второго рождения к концу репродуктивного периода (к 40 годам и старше), который можно приписать мерам политики, составил для разных поколений 5—7 процентных пунктов.

Рис. 9

Вероятность рождения первого (левая панель) и второго (правая панель) ребенка в реальных поколениях, накопленным итогом к указанным возрастам

в российском населении установка на *добровольную* бездетность получает статистически значимое распространение.

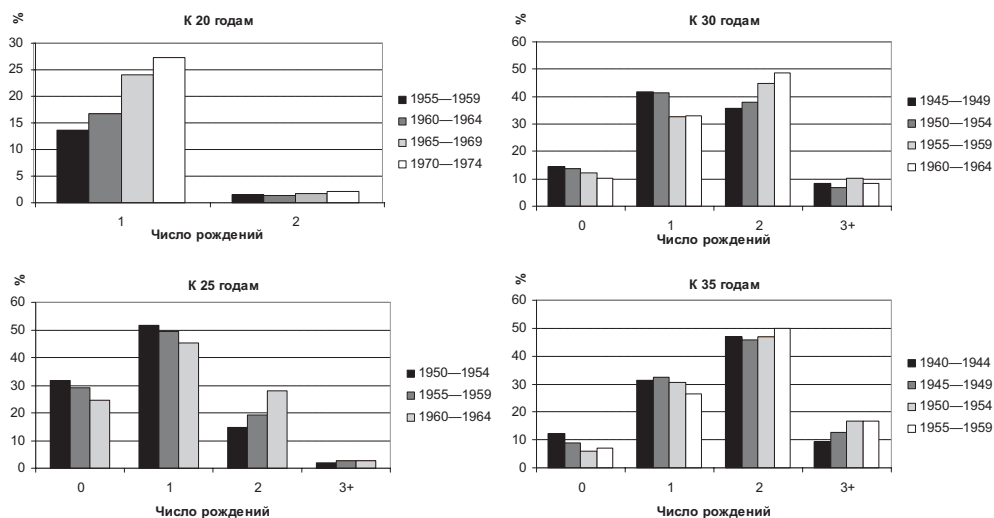
¹⁷ Вероятность увеличения семьи (вероятность очередного рождения) рассчитывается как доля женщин, родивших очередного ребенка, среди женщин, родивших на одного ребенка меньше.

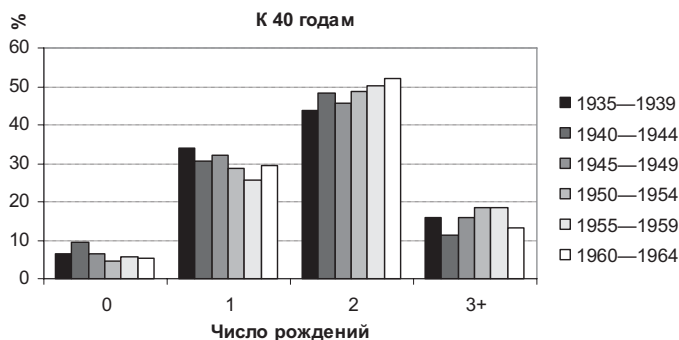
Увеличение вероятности третьего рождения также имело место. Однако коснулось оно в основном только тех поколений, которые во время введения действия мер либо находились в возрастах старше 30 лет (поколения 1945—1954 г.р.), либо успели перешагнуть 30-летний возрастной барьер до 1990 г. Прирост вероятности третьего рождения под воздействием политики едва ли был выше 2—3 процентных пунктов. Так, среди женщин 1950—1954 г.р. доля тех, кто, имея двоих детей, решился на третье рождение, составила 28%, что примерно соответствует показателям для женщин 1930-х г.р.

С помощью несложных преобразований от вероятностей увеличения семьи легко перейти к распределениям женщин по числу рожденных детей к тому или иному возрасту. Рисунки 10—11 демонстрируют, как по мере увеличения возраста меняются распределения по числу рожденных детей в реальных поколениях. На каждом рисунке первый столбик (черного цвета) относится к той женской когорте, с которой надо сравнивать последующие когорты. Для каждого возраста база сравнения меняется, поскольку для получения эффекта политики нужно отделить когорты, репродуктивная карьера которых проходила под влиянием политики от тех, для которых к тому же возрасту часть репродуктивной деятельности прошла до введения в действия мер политики. Так, для женщин, достигших 20-летнего возраста, ближайшей референтной когортой будут женщины 1955—1959 г.р., самые младшие из которых достигли своего 20-летия к 1980 г. Для достигших 25-летнего возраста референтной когортой становятся женщины 1950—1954 г.р. и т.д. Результаты такого сравнения для каждой очередности рождения сведены в табл. 4—6.

Рис. 10

Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 20, 25, 30, 35 лет. Россия, %

Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 40 лет. Россия, %**Таблица 4. Распределение женщин к возрасту 25 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывших и испытывших воздействие политики в 1981—1990 гг., %**

Число рождений	База сравнения — когорта 1950—1954, %	Когорта 1955—1959, %	+/-	Когорта 1960—1964, %	+/-
0	32	29	-3	24	-8
1	52	49	-3	45	-7
2	14	19	+5	28	+14
3+	2	3	+1	3	+1
Среднее число рождений	0,87	0,96	+0,09	1,08	+0,21

Таблица 5. Распределение женщин к возрасту 30 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывших и испытывших воздействие политики в 1981—1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1945—1949, %	Когорта 1955—1959, %	+/-	Когорта 1960—1964, %	+/-
0	14	12	-2	10	-4
1	42	32	-10	33	-9
2	36	45	+9	48	+12
3+	8	10	+2	8	0
Среднее число рождений	1,40	1,56	+0,16	1,56	+0,16

Таблица 6. Распределение женщин к возрасту 40 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывших и испытывших воздействие политики в 1981—1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1935—1939, %	Когорта 1955—1959, %	+/-	Когорта 1960—1964, %	+/-
0	6	6	0	5	-1
1	34	26	-8	30	-4
2	44	50	+6	52	+8
3+	16	18	+2	13	-3
Среднее число рождений	1,76	1,87	+0,11	1,77	+0,01

Подведем промежуточные итоги. Политика, безусловно, вызвала усиление позиций двухдетной семьи в качестве идеальной модели. В женских поколениях 1955—1964 г.р., находившихся в активных детородных возрастах в период политики, доля двухдетных женщин повысилась на 6—8 процентных пунктов при примерно таком же снижении доли однодетных. Доля бездетных женщин едва ли сократилась сколько-нибудь существенным образом. Популярность семей с тремя детьми не возросла, и фактический прирост доли семей с тремя и более детьми оказался едва статистически различимым. Суммарная доля женщин, в связи с мерами политики изменивших свой статус по числу рожденных детей в большую сторону, может быть оценена примерно в 10%.

Оценка сокращения интервалов времени между рожденьями детей у матери

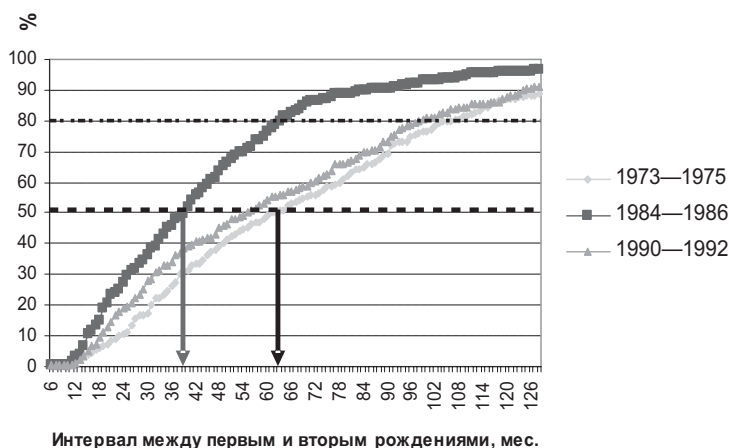
Наряду со средним возрастом матери при рождении детей важнейшей характеристикой темпа формирования семей является средний интервал времени, отделяющий каждое очередное рождение от предыдущего. Однако прямым способом исчислить эту характеристику на основе данных официальной статистики нельзя, поскольку при регистрации очередного рождения не спрашивается дата предыдущего рождения. Отечественные всеобщие переписи населения также не содержали в своих программах вопрос о датах рождения детей, рожденных респондентом. На основе регулярной официальной статистики можно получить лишь грубое приближение оценки средних интервалов как разницу в средних возрастах матерей при рождении детей следующих одна за другой очередностей. Методологически выверенные оценки средних интервалов в нашей стране получались только по результатам выборочных обследований. Обследование РидМиЖ явилось первым после долгого перерыва национальным репрезентативным обследованием, на базе которого можно кор-

Рис. 12

Средний интервал между первым и вторым рожденьями у матери в зависимости от года рождения первого ребенка (3-летняя скользящая средняя), лет

Кумулятивная функция распределения интервалов между первым и вторым рождениями у матери, родившей первого ребенка в 1973—1975, 1984—1986 и 1990—1992 гг., %

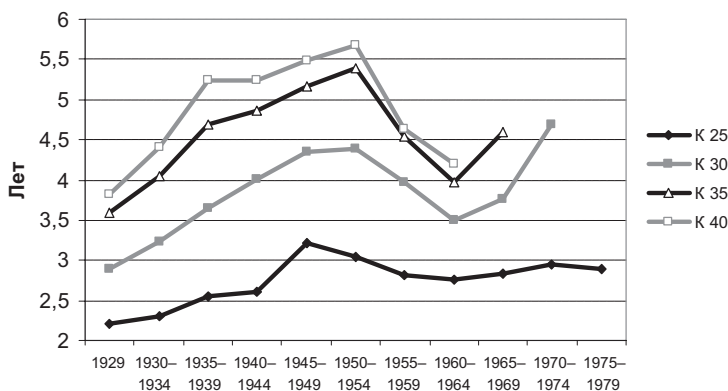

ректно проанализировать динамику средних интервалов между рождениями.

Оценки среднего интервала между первым и вторым рождениями у матери по году рождения первенца с 1950 по 1993 г., полученные по результатам обследования, представлены на рис. 12. Они убедительно доказывают, что имелось значительное падение этой величины под влиянием политики 1980-х гг. Женщины, родившие первого ребенка в первые годы действия политики (к середине 1980-х гг.), сократили интервал между родами наиболее значительно — более чем на 2 года, по сравнению, с теми, кто родил первенца в середине 1970-х гг. (с 5,5—6 до менее 4 лет)¹⁸. Если половина всех женщин, родивших первого ребенка в 1973—1975 гг., решила на второго ребенка спустя 5 лет после рождения первого, то для 34% женщин, родивших первого ребенка в 1984—1986 гг., интервал между первым и вторым рождениями составил не более 2 лет, для 50% женщин — чуть более 3 лет, а в интервал до 5 лет уложилось 80% всех повторнородящих женщин! Легко предположить, что значительная часть женщин, совсем не выходя на работу или выйдя на короткий срок, фактически продлевала материнский отпуск по уходу за первым ребенком в связи с рождением второго. Однако столь мощное ускорение темпов увеличения семьи оказалось лишь кратковременным явлением. Уже для матерей, давших жизнь первенцу в начале 1990-х гг., распределение по величине интервала между первым и вторым рождениями практически вернулось к прежнему виду (рис. 13).

¹⁸ Оценки, сделанные нами более десяти лет назад с использованием годовых данных текущего учета рождений и разностного метода для средних возрастов матери при рождении первого и второго ребенка, также показывали снижение среднего интервала в годы политики [см.: Захаров 1994: 65]. Однако падение получалось менее выраженным, чем полученные теперь по результатам прямого счета на основе обследования РидМиЖ, что целиком объясняется грубостью разностного метода при его применении к данным для условных поколений, на что, в частности, указывал Л.Е. Дарский в выше цитированной работе.

Средний интервал времени между первым и вторым рождениями у матери в реальных поколениях, родивших второго ребенка к указанным возрастам

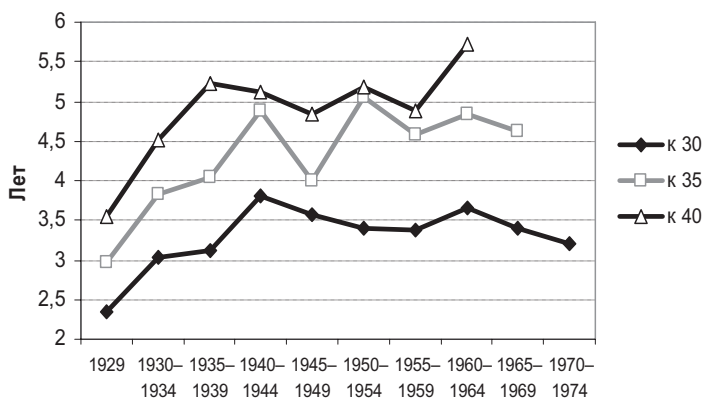

Вывод о сильном влиянии политики на величину интервала не меняется, если перейти от представления динамики средних интервалов по календарным годам рождений детей к представлению этой динамики для реальных поколений женщин по году их рождения. Поколения женщин, родившиеся в 1955—1964 гг., демонстрируют резкое сжатие интервала времени между первым и вторым рождениями. Для матерей, родивших второго ребенка к 30 годам, сокращение среднего интервала между первым и вторым рождениями составило 1 год, для родивших второго ребенка к 35 годам — 1,5 года (рис. 14).

Средний интервал между вторым и третьим рождениями, видимо, также снизился, но не столь очевидным образом, как интервал между первым и вторым рождениями. Заметное уменьшение средних интервалов между вторыми и третьими детьми в семьях коснулось только когорты женщин 1945—1949 г.р., находившихся к началу политики в возрастах старше 30 лет (рис. 15.).

Итак, под влиянием политики 1980-х гг. календарные сдвиги в рождаемости проявились не только в том, что женщины произвели на свет

Средний интервал времени между вторым и третьим рождениями у матери в реальных поколениях, родивших третьего ребенка к указанным возрастам

своих первых и вторых детей в более молодом возрасте, чем можно было бы ожидать в отсутствие этой политики, но и в том, что вторые дети были рождены с существенно меньшим промежутком времени после рождения первенца.

Изменения вероятности рождения очередного ребенка в зависимости от типа поселения и уровня образования

Известно, что этническая принадлежность, тип поселения и уровень образования — основные социальные дифференцы уровня рождаемости. Выборочная совокупность РидМиЖ не позволяет получить оценки вероятностей увеличения семьи для отдельных этнических групп, поскольку кроме русских, остальные представленные в выборке народности слишком малочисленны¹⁹. Что же касается типа поселения и уровня образования, то результаты, полученные нами на основе данных обследования, впервые позволяют судить о различном эффекте политики 1980-х гг. в разных социальных слоях. Следует, правда, оговориться, что вопросник предусматривал фиксацию места проживания и достигнутого образовательного уровня только в момент опроса, и, соответственно, данными характеристиками для респондентов в момент рождения ими детей, т.е. ретроспективной информацией, мы не располагаем. В то же время погрешности, которые возникают в связи с этим, едва ли существенным образом могут сказаться на выводах.

Рисунки 16—18 дают представление о том, как различалась кумулятивная вероятность родить (к фиксированным возрастам) соответственно первого, второго и третьего ребенка в зависимости от когорты по году рождения женщины и типа поселения: а) областные центры (включая Москву и Санкт-Петербург); б) прочие города; в) поселки городского типа и сельские населенные пункты.

Основные выводы, относительно реакции рождаемости на меры политики в различных типах поселений сводятся к следующему:

— до начала политики не только более высокая, но и более ранняя рождаемость была свойственна сельским жителям;

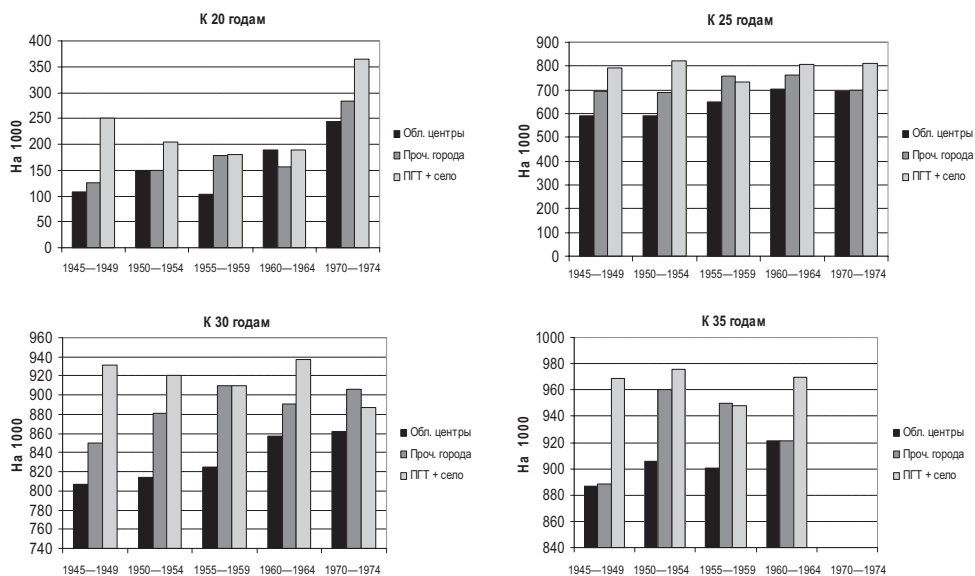
— под воздействием политики темпы увеличения размеров семей в молодом возрасте (до 25 лет) в городах и сельской местности практически сравнялись, преимущественно за счет резкого повышения темпов рождения детей первых трех очередностей в городах;

— итоговая вероятность рождения первого, второго и третьего ребенка в сельской местности практически не изменилась, а в городах шансы иметь первого и второго ребенка заметно повысились;

— прирост вероятности третьего рождения диагностируется только у женщин 1950-х годов рождения, проживающих в областных центрах.

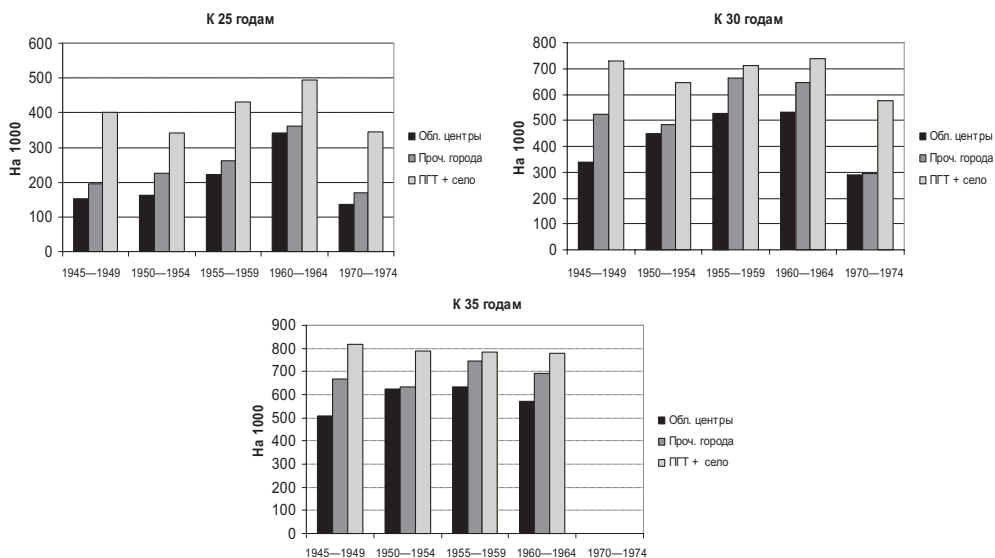
¹⁹ Обследование РидМиЖ репрезентативно на национальном уровне. В то же время оно не претендует на то, чтобы быть представительным на региональном уровне (в том числе и для каждого из 32 субъектов федерации, в которых проходил опрос). Соответственно речь не может идти и о репрезентативности на межэтническом уровне.

Вероятность первого рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 ни разу не рожавших женщин

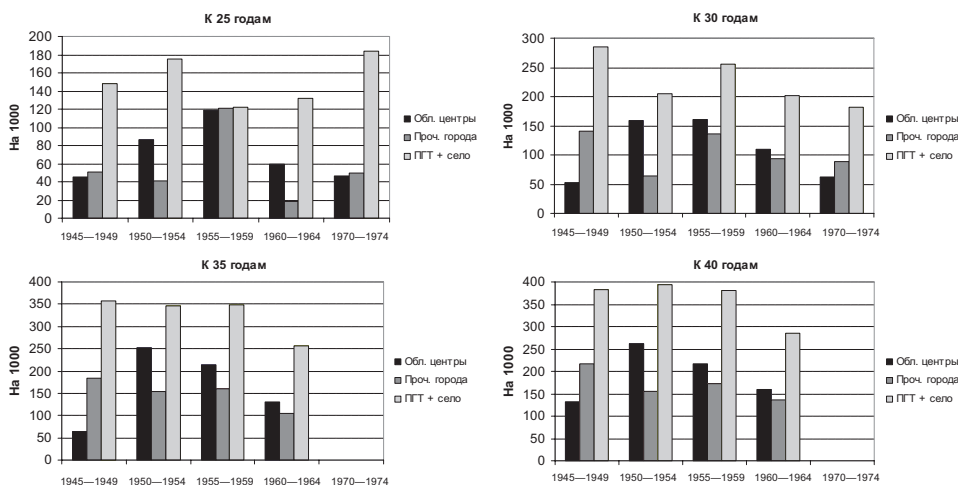

На рис. 19—21 демонстрируется кумулятивная вероятность родить (к фиксированным возрастам) соответственно первого, второго и третьего ребенка в зависимости от когорты по году рождения женщины и имею-

Вероятность второго рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших первого ребенка

Вероятность третьего рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших второго ребенка

щегося у респондентов уровня образования: а) низкое — не выше начального профессионального (включающего все уровни школьного образования и закончивших ПТУ); б) высокое — среднее полное профессиональное уровня техникума и более высокие уровни образования.

Основные выводы относительно реакции рождаемости на меры политики у лиц с различным уровнем образования сводятся к следующему:

— до начала политики уровень рождаемости и темпы увеличения семьи по уровню образования различались хорошо известным образом: более раннее обзаведение потомством и более высокая итоговая рождаемость были характерны для лиц с невысоким образовательным цензом;

Вероятность первого рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от уровня образования, на 1000 ни разу не рожавших женщин

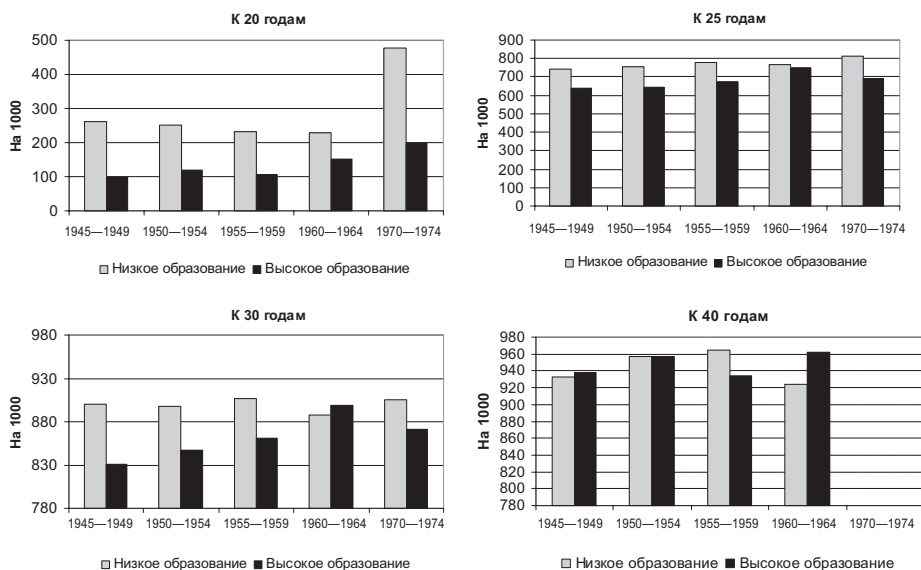
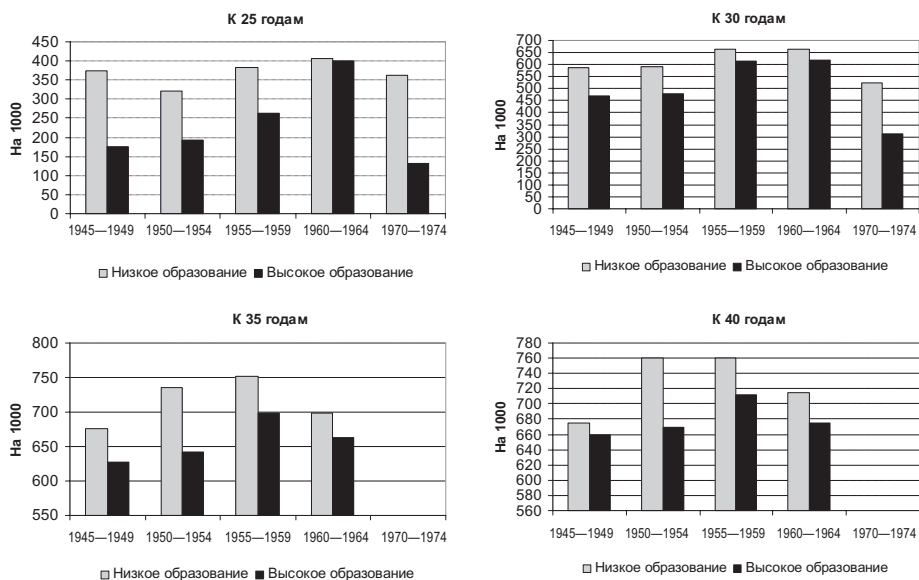

Рис. 20

Вероятность второго рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от уровня образования, на 1000 женщин, родивших первого ребенка

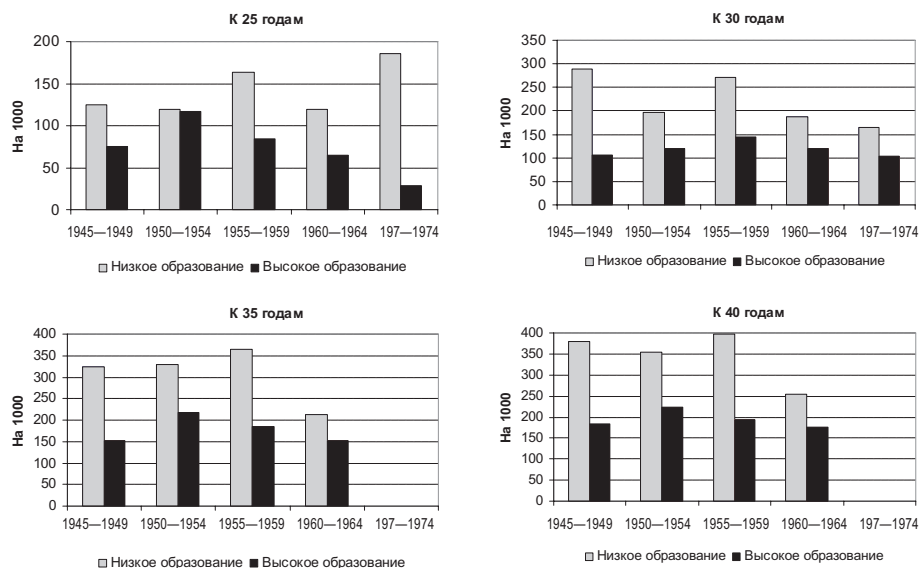

— под воздействием политики вероятность рождения первого ребенка у менее образованных женщин (с уровнем образования не выше ПТУ) не изменилась, если не считать резкого скачка вероятности иметь первого ребенка (и последующих детей) до 20 лет у когорты 1970–1974 г.р.;

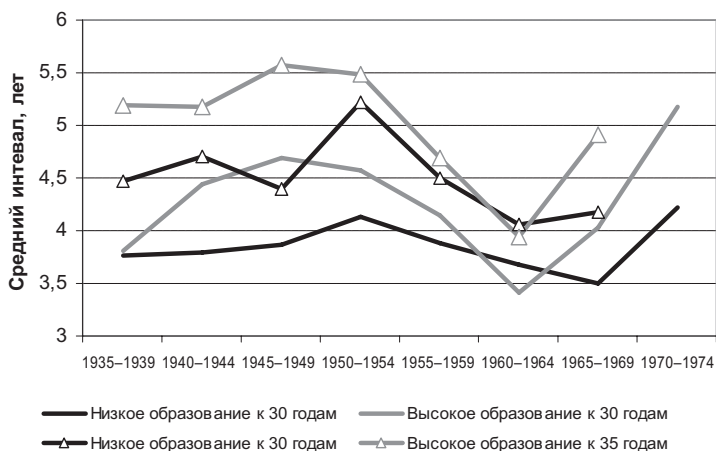
— темпы формирования итоговой рождаемости у женщин с высоким уровнем образования (со средним профессиональным и выше), напротив, в молодом возрасте возросли очень сильно: вероятность рождения первого и второго ребенка к возрасту 25 лет у более образованных женщин срав-

Рис. 21

Вероятность третьего рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших второго ребенка

Средний интервал между рождениями первого и второго ребенка в реальных поколениях в зависимости от уровня образования (возраст матери при рождении второго ребенка до 30 и до 35 лет)

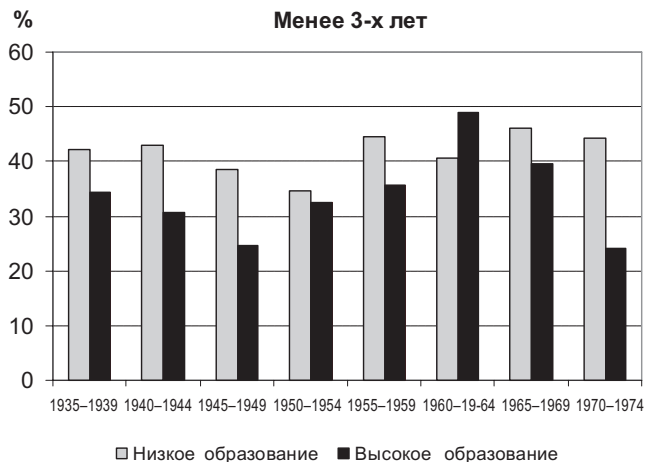
нялась или даже превысила вероятность рождения детей у менее образованных;

— итоговая вероятность рождения третьего ребенка практически не изменилась ни у менее образованных, ни у более образованных женщин, однако у менее образованных третий ребенок появился на свет в среднем в более раннем возрасте, чем до политики.

Итак, политика 1980-х гг. вызвала сближение средних возрастов матери при рождении детей первых двух очередностей у лиц с различным образовательным уровнем за счет временного омоложения материнства в социальных группах с высоким образовательным цензом. У женщин с высоким уровнем образования с опережением уменьшался не только возраст рождения детей, но и средний интервал между первым и вторым ребенком. В результате чего различия по величине интервала в зависимости от уровня образования также временно исчезли (рис. 22). Более того, доля женщин, родивших второго ребенка с укороченным интервалом времени между родами (менее 3 и менее 2 лет), у женщин с высоким образовательным уровнем подскочила настолько резко, что, к примеру, для когорт 1960—1964 г.р. даже превысила значения этого показателя для менее образованных женщин!

Для иллюстрации произведенного политикой эффекта на величину интервала между родами приведем следующие данные (см. рис. 23 и 24). Доля женщин 1945—1949 г.р. с высоким образовательным уровнем, родивших второго ребенка в возрасте до 30 лет с интервалом после первых родов менее 3 лет, составила 25%, с интервалом менее 2 лет — 12%. Для тех же когорт, но с низким образовательным уровнем интервал менее 3 лет был характерен для 38%, менее 2 лет — 17% женщин. В когортах 1960—1964 г.р. доля женщин с высоким образовательным уровнем, родивших 2-го ребенка до 30 лет с интервалом менее 3 лет составила 49%, с интервалом менее 2 лет — 29%. Среди менее образованных женщин сокращение интервалов между родами затянулось на несколько лет дольше. В когортах 1965—1969 г.р. доля женщин, родивших второго ребенка менее чем через 3 года после первого, составила 46%, а родивших с интервалом менее 2 лет — 28%.

Доля женщин различного уровня образования, родивших второго ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 3 лет после рождения первого в реальных поколениях

Доля женщин различного уровня образования, родивших второго ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 2 лет после рождения первого в реальных поколениях

После выраженного скачка в темпах увеличения семьи, характерных для поколений 1955—1964 г.р., в последующих поколениях лица с высоким образованием не менее резко начали эти темпы замедлять, и уже когорты 1970—1974 г.р. продемонстрировали те же интервалы между первыми и вторыми родами, что и когорты второй половины 1940-х гг. У женщин с низким образовательным уровнем замедление темпов увеличения семьи началось позже.

Общие выводы и дискуссионные вопросы

С точки зрения общего повышения рождаемости эффект семейной политики 1981—1990 гг. можно оценить как *очень скромный положительный* (т.е. едва отличающийся от нуля со знаком плюс). Возможно, для жен-

ских когорт 1955—1965 г.р. эффект мог бы быть и выше, если бы они свой третий десяток лет прожили в более спокойной социально-экономической атмосфере, чем та, которая сложилась в 1990-х гг. Прирост итоговой рождаемости реальных поколений мог бы составить, по нашей оценке, не 0,1, а максимум 0,15 рождений на одну женщину. На больший количественный эффект едва ли можно было рассчитывать.

Главный эффект от политики выразился не столько в повышении итоговой рождаемости, или, иначе, в повышении числа детей в семье, сколько во временной и мощной дестабилизации возрастной функции рождаемости и календаря рождений у реальных поколений — снижении возраста материнства, сокращении интервалов между рождениями. Наблюдавшийся и до политики тренд к омоложению рождаемости значительно усилился. Доля женщин с двумя детьми, особенно в молодом возрасте (до 25 лет) повысилась очень значительно. Эти временные сдвиги и вызвали значительный рост конъюнктурных показателей рождаемости, в том числе и коэффициента суммарной рождаемости в 1982—1987 гг. В результате к началу рыночных реформ необычно высокая доля женщин была обременена маленькими детьми и находилась в отпусках по уходу за ними. Как это сказалось на адаптации населения к изменившейся социально-экономической реальности в период перехода к рыночной экономике — вопрос для дискуссии.

Политика повлияла на изменение календаря рождений, в первую очередь у жительниц городов и женщин с высоким образовательным статусом. По темпам формирования итоговой рождаемости жители городов временно стали напоминать жителей села, а лица с высоким образовательным статусом — лиц с низким образовательным статусом. Характер изменения календаря рождений и социальный состав продемонстрировавших эти изменения подтверждают, что наиболее значимыми для семей инновационными инструментами политики были увеличение отпуска по беременности и родам и учреждение не известных ранее в нашей стране отпусков по уходу за ребенком (до 1,5, а затем и до 3 лет, в том числе частично оплачиваемого до 1 года, а затем до 1,5 лет). Именно городские квалифицированные женщины, работающие в режиме полной занятости, впервые в советской истории получили возможность отвлечься от трудовой деятельности на несколько лет для выполнения материнских функций с минимальным риском потери рабочего места и без последствий для будущей пенсии. Женщины-учащиеся получили возможность оформлять отпуска по уходу за ребенком с частичной оплатой вместо неоплачиваемого академического отпуска.

Отпусками по уходу за ребенком воспользовалось подавляющее большинство матерей. Причем значительная часть молодых бездетных женщин не только незамедлительно реализовала свои права, произведя на свет первого ребенка, но и с минимальной отсрочкой поспешила обзавестись вторым ребенком. В результате более одной трети всех женщин вновь становились беременными в период отпуска по уходу за первым ребенком и рожали второго, на законных условиях продлевая отпуск по уходу за маленькими детьми. Последствия от столь коротких интервалов для здоровья матери и детей — вопрос для изучения²⁰. Следует, правда, заметить, что столь значительное сокращение первого интергенетического ин-

²⁰ Стоит напомнить, что Всемирная конференция по народонаселению 1984 г. (Мехико) признала, что наибольший риск для здоровья матери и ребенка представляют следующие ситуации: рождение ребенка матерью, не достигшей 18 лет, рождение первого ребенка матерью старше 35 лет, рождение более 4 детей, рождение детей с интервалом менее, чем в 2 года.

тервала (интервала между первым и вторым рождением) едва ли стало возможным, если бы оно не отвечало действующим в те годы идеальным представлениям о том, как должен быть устроен жизненный цикл женщины. Так, обследование, проведенное в 1983—1985 гг. в Москве, Саратове и Уфе показало, что идеальный интергенетический интервал, по мнению опрошенных женщин, должен составлять 3—3,5 года²¹. Как было показано выше, эта идеальная величина была фактически достигнута на среднем уровне после ее снижения в 1980-х гг. Нельзя не прийти к выводу, что политика образца 1980-х гг. полностью отвечала господствующей в те годы идеальной модели раннего начала и быстрого завершения формирования семьи на уровне двухдетности.

Вероятность появления в семье третьего ребенка увеличилась едва заметным образом в когортах 1950-х гг. рождения, преимущественно у жительниц областных центров. Можно предположить, что за этим скрывается коррекция жилищной политики по отношению к многодетным семьям, произведенная в рамках той же политики 1980-х гг. К «многодетным» семьям, пользовавшимся преимуществом в очереди предоставляемого жилья, в соответствии решениями городских властей стали относить семьи с тремя детьми. Однако эта гипотеза еще требует специальной проверки, как и обнаруженный нами факт, что, согласно данным обследования РидМиЖ, вероятность третьего рождения в городах была значимо выше у недавних мигрантов.

Перепись 2002 г. и данные выборочного обследования РидМиЖ убедительно показывают прекращение роста и даже снижение распространенности высшего образования в женских когортах, испытавших на массовом уровне раннее материнство в 1980-х гг. Какой направленности эта взаимосвязь — вопрос дискуссионный, но ассоциация очевидна, поскольку завершение образования, поиск первой работы и рождение детей — по сути, конкурентные во времени события. Как неоднократно повторял известный демограф и публицист В.И. Переведенцев, много писавший о проблемах молодежи: «Разумеется, можно одновременно работать и учиться, это многие и делают. Но очень трудно одновременно с этим рожать и воспитывать детей»²². В 1970-е и 1980-е гг. молодые девушки делали выбор в пользу раннего брака и раннего материнства, тем более что государственная политика тех лет была направлена на усиление притока молодежи в сферу начального профессионального образования и ограничение доступности высшего образования²³. Что определяло такой выбор: улучшение условий для столь желанной самореализации молодой женщины в роли жены и матери или очевидная узость каналов социальной мобильности для молодежи, характерной для позднего советского периода? Исследования того времени свидетельствовали, что действовали оба фактора, и, скорее всего, в сложной взаимосвязи на индивидуальном уровне принятия решений. В любом случае этот сюжет представляется чрезвы-

²² [Переведенцев 1982: 93].

²³ Четко артикулированная политика ограничения доступности высшего профессионального образования в СССР лишь отчасти была связана с многочисленностью молодежных когорт во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. при фиксированном числе учебных мест. Главными мотивами торможения роста образования выступали соображения, вытекающие из специфики отраслевой структуры советской экономики. Результатом политики было двукратное сокращение доли выпускников школ, ориентированных на поступление в вузы. Эту тему в связи с динамикой возраста вступления в брак я специально затрагиваю в другой статье [Захаров 2006б; сокращенный вариант статьи в электронном виде см.: Захаров 2006а].

чайно важным для дальнейших исследований, особенно в контексте современных реалий.

В заключение нельзя еще раз не напомнить о главном отрицательном последствии структурных эффектов в рождаемости, вызванных мерами политики в 1980-е гг. Вследствие неизбежного компенсаторного падения годовых показателей рождаемости в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Россия слишком резко вошла в полосу отрицательного естественного прироста²³. Психологический шок от размеров естественной убыли населения оказался настолько сильным, что вызвал неадекватную реакцию у политиков, не сильно разбирающихся в тонкостях демографии. Последним из пяти пунктов обвинения президента Ельцина в ходе неудавшегося импичмента значился «геноцид российского народа», важнейшим доказательством которого и была ссылка на естественную убыль населения²⁴. Переход к негативной динамике численности населения был неизбежен при любом социально-экономическом и политическом раскладе, поскольку был заложен предшествующей долговременной эволюцией рождаемости. Задолго до его фактического наступления он прогнозировался и официальными статистическими органами, и отдельными специалистами. В то же время, если бы не было искусственного «бэби-бума» в первой половине 1980-х гг., естественная убыль населения в первой половине 1990-х гг. могла бы быть существенно меньшей. Соответственно сокращение численности населения началось бы на несколько лет позже и в начальной фазе происходило бы более умеренными темпами. Более того, нынешняя возрастная структура населения характеризовалась бы меньшей волнообразностью, и мы бы с меньшим ужасом ожидали наступление после 2010 г. десятилетия катастрофического падения численности населения трудоспособного возраста.

Справка о об основных действующих и вновь введенных мерах семейной политики в 1980-х гг.

Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 235 от 22 января 1981 г. базовые инновационные меры семейной политики вводились в действие поэтапно: с ноября 1981 г. в Сибири и на Дальнем Востоке, а также на территориях Европейского Севера, с ноября 1982 г. на остальной территории России. Отпуск по беременности и родам с сохранением полной оплаты труда был увеличен с 77 до 112 дней (затем до 126 дней в 1990г.). Отпуск по уходу за ребенком для женщин, имевших опыт работы, был установлен длительностью а) 12 мес. (с 1989 г. — 18 месяцев) с сохранением полной оплаты в случае тяжело больного ребенка; б) той же длительности в общем случае с оплатой в размере 35 руб. (50 руб. в Сибири, на Дальнем Востоке и Европейском Севере), что соответствовало примерно 20% от средней зарплаты в то время; в) неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет (с 1989 г. до 3 лет). Женщинам с двумя и более детьми были предоставлены дополнительный трехдневный отпуск, право на отпуск в удобное время, дополнительный отпуск сроком в две недели без сохранения зарплаты. В 1989—1990 гг. отпуска по уходу за ребенком стали предлагаться для отцов, прародителей и даже более отдаленных родственников, в случае, если имелась такая необходимость. Кроме того, родителю, осуществляющему уход за ребенком, было гарантировано право на неполную занятость или надомный труд. Женщинам с детьми до 14 лет все предприятия и учреждения должны были обеспечить по выбору

²³ Ситуация была усугублена и последствиями антиалкогольной кампании. Календарные сдвиги в возрастном распределении смертей в середине 1980-х гг. оказались не менее мощными, чем рождений. Компенсаторный вал отложенных смертей обрушился на Россию в те же годы, что компенсаторное падение рождений. Подробнее см.: [Захаров 1999а: 44—45; 1999б: 114—131; Блюм 2005: 143—144].

²⁴ См.: [О государственном геноциде... 1998].

возможность работать полный или неполный рабочий день, в том числе с гибким часовым или недельным графиком. Одиноким матери получили возможность получать социальные алименты в размере 20 рублей на каждого ребенка до 16 лет, в случае если местонахождение отца ребенка не известно, или если отец ребенка не получает стабильного дохода, или его доход недостаточен для обеспечения всех обязательных платежей.

В соответствии с постановлением № 235 предприятиям и колхозам разрешалось выдавать беспроцентную ссуду в размере 1500 руб. сроком на восемь лет одному из супругов до 30 лет с одним ребенком, причем рождение второго погашало 200 руб., а третьего 300 руб. из этой ссуды.

Кроме того, в этот период продолжали действовать: а) введенное в 1974 г. пособие для малообеспеченных семей на каждого ребенка до 8 лет в размере 12 руб. в месяц (примерно 6—7% от средней зарплаты в середине 1980-х гг.) при условии, если доход на одного члена семьи не превышает 50 руб. (этот барьер бедности составлял примерно 25% от средней зарплаты в те годы); б) увеличенное в 1974 г. пособие одинокой матери в размере 20 руб. в месяц и продленное в 1981 г. до исполнения ребенку 16 лет; в) пособие на детей в возрасте 1—5 лет многодетным матерям, действовавшее в неизменном виде с 1944 г. (отменены в 1990 г.): на 4-го ребенка — 4 руб., на 5-го ребенка — 6 руб., на 6-го ребенка — 7 руб., на 7-го, 8-го и 9-го ребенка — 9 руб., на 10-го ребенка — 12 руб., на 11-го и последующих детей — 15 руб.; г) единовременное пособие при рождении ребенка, увеличенное в 1981 г.: на 1-го ребенка — 50 руб., 2-го ребенка — 100 руб., 3-го ребенка — 100 руб., 4-го ребенка — 65 руб., 5-го ребенка — 85 руб., 6-го ребенка — 100 руб., 7-го и 8-го ребенка — 125 руб., 9-го ребенка — 175 руб., 10-го ребенка — 100 руб., 11-го и последующих детей — 250 руб. (пособия на 1-го, 2-го и 3-го детей были введены в действие в 1981—1982 гг., а на 4-го и последующих действовали в неизменном виде с 1944 г.); д) специальный налог, введенный еще во время войны (1941 г.), на бездетных неженатых мужчин и незамужних женщин в размере 6%, женатых мужчин с одним ребенком — 1%, и женатых мужчин с двумя детьми — 0,5%. Согласно официальной версии, средства, аккумулированные с помощью данного налога, использовались прямо на выплату пособий одиноким матерям и многодетным семьям; е) в 1983—1984 гг. был снижен подоходный налог на 30% с имеющих на иждивении 4 и более человек; ж) снижение платы в детских дошкольных учреждениях с родителей четырех и более детей на 50% и бесплатное содержание в них детей из семей с ежемесячным душевым доходом, не превышающим 60 руб. в месяц.

Наконец, политика 1981 г. предусматривала целый ряд льгот специальной социальной категории «многодетная мать», которая стала присваиваться матерям с 3 детьми (ранее нужно было иметь не менее 4 живых детей). Удостоверение многодетной матери давало целый ряд преимуществ: снижало срок получения жилья, облегчало доступ к дефицитным товарам длительного пользования, сокращало время стояния в очередях в магазинах, что было принципиально важно в условиях тотального дефицита товаров повседневного спроса, и т.п. Кроме того, матерям, которые вырастили не менее 5 детей до 8-летнего возраста, предполагалось снижение пенсионного возраста.

В апреле 1990 г. была произведена ревизия всей системы финансовой помощи семьям. Размеры пособий стали привязываться через различные коэффициенты к официально устанавливаемой минимальной заработной плате. Так, пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет устанавливалось в размере одной минимальной заработной платы (70 руб.) в случае, если женщина работала перед рождением ребенка, и в размере 0,5 минимальной заработной платы в случае, если мать не работала.

В августе 1990 г. было произведено еще одно усовершенствование системы. Так, были отменены ежемесячные пособия многодетным матерям. Вместо этого вводилось единое семейное пособие на детей в возрасте от 1,5 до 6 лет в размере 0,5 минимальной заработной платы, если душевой доход семьи не превышал 2 минимальные заработные платы, что означало фактическое увеличение финансовой поддержки семей со многими детьми, поскольку за редким исключением все семьи с большим числом детей удовлетворяли критерию данного порога бедности.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922—1991. М.: Наука, 1993.

Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000.

Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002.

Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.

[*Архангельский В.Н.*] Семья и семейная политика в Псковской области / Под ред. Н.В. Васильевой, В.Н. Архангельского. Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994.

Бабин Е.Б. Контрацептивное поведение супругов в городских семьях // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / Рук. авт. колл. А.И. Антонов. М.: Мысль, 1986.

Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А.Г. Волков. М.: Наука, 1988. С. 41—77.

Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР / Пер. с франц. М.: Новое издательство, 2005.

Борисов В.А., Киселева Г.П., Лукашук Ю.М., Синельников А.Б. Воспроизводство и населения и демографическая политика в СССР. М.: Наука, 1987.

Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ / НИИ семьи Минсоцзащиты России. М., 1996.

Вишневский А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 75—114.

Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б. и др. Новейшие тенденции рождаемости в СССР // Социологические исследования. 1988. № 3. С. 54—67.

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.

Елизаров В.В. Демографическая ситуация и демографическая политика в Российской Федерации // Материалы семинара «Стратегия развития» от 14 ноября 2005 г. М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2005. С. 10—43.

Захаров С.В. Брачность в России: история и современность // Демоскоп-Weekly. № 261—262. 2006. 16—29 октября (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>). (а)

Захаров С.В. Возрастная модель брака в России // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 271—300. (б)

[*Захаров С.В.*] Очередность рождения // Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. (в)

[*Захаров С.В.*] Возраст матери при рождении ребенка // Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. (г)

[*Захаров С.В.*] Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. М.: Книжный дом «Университет», 2000.

[Захаров С.В.] Население России 1998. Шестой ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИНП РАН / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 44—45. (а)

Захаров С.В. Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // Проблемы прогнозирования. 1999. №2. С.114—131. (б)

[Захаров С.В.] Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. М., 1996. С. 51—52.

[Захаров С.В.] Население России 1994. Второй ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г.Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. М.: Евразия, 1994.

Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России // Диссертация на соискание учен. ст. канд. эк. наук. ИСЭПН АН СССР и ГКТ СССР. М., 1990.

Захарова О.Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М.: ИСПИ РАН, 1993.

[*Захарова О.Д.*] // Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) /Под ред. Г.И. Кареловой и Л.Е. Рыбаковского. М.: Изд. Центра социального прогнозирования, 2001.

Киселева Г.П. Демографическая политика в СССР // Демографическая политика в современном мире / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука, 1989. С. 5—19.

Клупт М.А. О статистической оценке влияния демографической политики на рождаемость // Воспроизводство населения и демографическая политика / Отв. ред. П.П. Звидриньш. Рига, 1988. С. 51—58.

Клупт М.А. Экономическое измерение демографической динамики. Л.: Изд. ЛГУ, 1990.

Кузьмин А.И. Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург: Наука, 1993.

О государственном геноциде в России // Материалы Круглого стола «Кризис нации» при Председателях Комитетов по обороне и безопасности Государственной думы Российской Федерации. М., 1998.

Переведенцев В.И. Школа и молодая семья. М.: Знание, 1982.

Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 12 / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.

Семья и семейная политика в Псковской области / Под ред. Н.В. Васильевой, В.Н. Архангельского. Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994.

Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и ее регулирование. М.: Мысль, 1991.

Avdeev A., Monnier A. A Survey of Modern Russian Fertility // Population. An English Selection. 1995. Vol. 7. P. 1—38. (Исходная версия была опубликована на французском языке, см.: Population. 1994. Vol. 4—5.)

Darsky L.E. Quantum and Timing of Births in the USSR // Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991 / Ed. by W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov. L.; N.Y.: Routledge-IIASA, 1994. P. 57—69.

Zakharov S.V., Ivanova E.I. Fertility Decline and Recent Changes in Russia: on the Threshold of the Second Demographic Transition // Russia Demographic «Crisis» / Ed. by J. DaVanzo. Santa Monica: RAND, 1996. P. 36—82.